

Текст 1.1

(1)В детстве у меня была любимая мягкая игрушка размером примерно с небольшую диванную подушку. (2)Это был медведь. (3)Я таскал его повсюду и даже в кровати не расставался с ним. (4)Из всех игрушек ясельного возраста медведь был забыт самым последним. (5)В общем, я вырос, стал дядькой с большой бородой и татухами и вместо плюшевых медвежат полюбил мотоциклы.

(6)И вот однажды мне приснился медвежонок из детства. (7)Сон был неприятный: медвежонок стоял в центре пустой комнаты, в мерцающем свете лампочки, а за окном как будто бы собирался ураган. (8)Медведь в упор смотрел на меня и тянул ко мне лапу, как будто показывал на что-то у меня за спиной, как будто предупреждал о чём-то.

(9)Я не придавал значения сну. (10)Однако на следующий день я ехал в мотоклуб, и «девятка» подрезала меня так, что я перелетел через руль и приземлился на живую изгородь, посаженную вдоль дороги. (11)Именно она меня и спасла. (12)Я получил ушибы, небольшой вывих плеча, а мотоцикл серьёзно пострадал и требовал дорогого ремонта.

(13)Через неделю всё повторилось. (14)Всё в той же комнате при мерцающем свете и надвигающемся урагане. (15)Только сама игрушка выглядела грязной и потрёпанной, а в некоторых местах была порезана, и оттуда торчала вата. (16)Медвежонок по-прежнему настойчиво указывал на меня лапой.

(17)Я решил съездить на дачу, которая была практически заброшена, и отыскать на чердаках-подвалах медвежонок среди барахла. (18)Перерыв там всё вверх дном, я в самом дальнем углу в пыльном мешке из-под картошки нашёл игрушку.

(19)Сначала я достал голову медвежонка, оторванную «с мясом», затем – тело с наполовину вылезшей через рваные дыры ватой. (20)Ещё час я потратил, чтобы найти в мелком мусоре на дне мешка пропавший шарик глаза, но так и не нашёл.

(21)Я отвёз медведя домой и самолично его починил, хотя навыка такого у меня, конечно, не было. (22)Я постирал, набил его новой ватой, аккуратно зашил и даже слегка прошёлся утюгом, на место потерянного глаза я приделал чёрную повязку, как у пирата. (23)А позже с помощью знакомой из ателье медведь оделся в кожаную косуху с маленькими заклёпками.

(24)Отныне медведь сидит у меня в гараже на самом видном месте, а иногда я устанавливаю его на вилку мотоцикла, и мы катаемся по городу или в мотоколоннах. (25)Соратники из клуба сначала смеялись, а потом привыкли, и игрушка даже в некотором роде стала нашим талисманом. (26)У меня давно была мечта – свой клуб для байкеров, и я его открою. (27)Я даже придумал ему название – «Одноглазый медведь». (По Остромиру)*

* *Остромир* – современный молодой блоггер.

Текст 1.2

(1)Я не любила эту куклу.

(2)Её рост и внешние достоинства сравнивали с моими. (3)Взрослые наивно полагали, что доставляют мне удовольствие, когда с дежурно-умилительными интонациями восхищались мною.

– (4)Кто из вас девочка, а кто кукла – трудно понять! – восклицали они.

(5)Я была хрупкой и малорослой. (6)И оттого что все, восхищаясь этой хрупкостью, именовали её «изяществом», а меня – «статуеткой», мне не было легче. (7)Я была самолюбива, и мне казалось, что «статуетка» – это лишь вещь, украшение, а не человек, тем более что статуетками называли и трёх фарфоровых собак, оцепеневших на нашем буфете. (8)Воспитательница в детском саду, словно стараясь подчеркнуть мою хлипкость, выстроила нас всех по росту, начиная с самых высоких и кончая мною. (9)Воспитательница так и определяла моё место в общем строю: «замыкающая».

– (10)Не огорчайся: конец – делу венец! – услышала я от отца. (11)Венца на моей голове, увы, не было, а венценосные замашки имелись, и командовать я очень любила.

(12)Царство игрушек по-своему отражало реальный мир, никого не унижая, а меня возвышая. (13)Миниатюрностью своей игрушки подчёркивали, что созданы как бы для подчинения мне. (14)А безраздельно хозяйничать – я сообразила уже тогда – очень приятно. (15)Я распоряжалась маршрутами автомобилей и поездов, повадками и действиями зверей, которых в жизни боялась. (16)Я властвовала, повелевала – они были бессловесны, безмолвны, и я втайне подумывала, что хорошо было бы и впредь обращаться с окружающими подобным образом.

(17)Но вдруг, когда мне исполнилось шесть лет, появилась огромная кукла с круглым лицом и русским, хотя и необычным для игрушки, именем Лариса. (18)Отец привёз куклу из Японии, где был в командировке. (19)Я должна была бы обрадоваться заморской игрушке.

(20)Но она была выше меня ростом, и я, болезненно на это отреагировав, сразу же её невзлюбила.

(21)Мама нередко вторгалась в мои взаимоотношения с игрушками.

– (22)Любишь наказывать? – вполухотку спросила как-то она. (23)И вполусерьёз добавила:

– (24)С бессловесными так поступать нельзя. (25)Они же не могут ответить ни на добро, ни на зло.

– (26)На зло отвечают, – возразила я.

– (27)Чем?

– (28)Подчиняются.

– (29)Это оскорбительно. (30)Не для них... (31)Для тебя! – уже совсем серьёзно сказала мама.

(32)Она, похоже, хотела, чтоб я отказалась от абсолютной власти над своими игрушками.

(33)Она вообще была против самовластия. (34)Но я к этому отвращения не питала.

(35)С появлением Ларисы многое изменилось. (36)Игрушечное царство, казалось, послушно задрало голову и взирало на неё снизу вверх. (37)Так смотрела на Ларису и я. (38)Как кукла она была более необычной, поражающей воображение, чем я как человек. (39)Мы и куклой-то её называть не решались, а именовали только Ларисой. (По А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют о мире юности.

Текст 1.3

(1)В пригороде одного самого обычного города жила самая обычная семья: папа Витя, мама Вика, сын Митя и дочь Ника. (2)Дети были послушными, но они очень не любили ложиться спать.

(3)Каждый вечер был скандал:

– (4)Дети, ложитесь спать! (5)Уже поздно... – сердился папа Витя.

– (6)Ну, папа, ещё полчаса можно мы поиграем? (7)Папочка, пожалуйста, – просили дети.

(8)Вот и сегодня дети ну никак не хотели идти спать.

– (9)Даю вам десять минут, – сказал рассерженно папа и вышел из комнаты.

– (10)Давайте соберём игрушки и будем ложиться, – сказала мама.

(11)В конце концов дети легли в свои кровати и закрыли глаза.

(12)Пробило полночь. (13)И вдруг Митя увидел, что в комнате стало происходить что-то необычное. (14)Детские игрушки начали оживать: куклы поправляли свои платья и причёски, солдатики чистили свои ружья, машинки проверяли свои колёса, мягкие игрушки сладко потягивались. (15)Митя притворился спящим, и они не заметили, что мальчик за ними наблюдает.

(16)На соседней кровати сестра тоже не спала и во все глаза смотрела на игрушки.

– (17)Вика, – зашептал брат девочке, – наши игрушки ожили...

– (18)Я вижу.

– (19)Игрушки, вы ожили? (20)Как так может быть? – не вытерпела девочка.

– (21)Ой-ой-ой, они нас видят, – запищали куклы, – теперь все узнают нашу тайну.

– (22)Нет-нет, что вы, мы никому не раскроем ваш секрет. (23)Правда, Митя?

– (24)Правда, – согласился мальчик, – а почему вы только ночью оживаете? (25)Вот было бы здорово, если бы вы всегда были живыми! (26)Дети вылезли из кроватей и сели на пол в окружении игрушек.

– (27)Мы так устроены, – сказали солдатики. – (28)Если с нами бережно играют, если нас не разбрасывают, не ломают, то мы оживаем и оберегаем сон и покой наших хозяев, а если наоборот, то уходим навсегда.

(29)Ника взяла на руки самую любимую куклу.

– (30)Давайте поиграем? – предложила девочка.

– (31)Ура! (32)Давайте! – затеяли возню игрушки.

– (33)Вам спать надо, вы завтра плохо в садик встанете, – сказал медведь – это была старая игрушка, с которой играла, наверное, ещё мама.

– (34)Хорошо, – Митя побоялся обидеть старого медведя, – а завтра мы ляжем спать пораньше, чтобы поиграть с вами со всеми живыми.

(35)Мальчик пожал ручку солдатам, погладил по голове собачку Тишку, поставил машинки в гараж. – (36)Ника, давай спать, а завтра опять поиграем с игрушками!

– (37)Хорошо, – зевая, сказала девочка и уснула.

(38)Утром детей разбудил папа:

– (39)Папа, папа, а ты знаешь, что было сегодня ночью... – начал Митя, но потом вспомнил об обещании сохранить тайну. – (40)Мне приснился сон.

– (41)Ну, сон – это отлично, – засмеялся папа.

(42)Митя никому не рассказал про свой секрет. (43)Теперь он ложился спать рано, и каждую ночь игрушки оживали и играли с детьми, пока старый медведь не говорил им, что нужно идти спать.

(44)Конечно, это был сон. (45)Но ведь это хорошо, что дети верят в добрые сны!

(По Л. Волковой)*

* *Волкова Любовь* – молодая современная писательница.

Текст 1.4

(1)Когда мне было лет шесть, наверное, или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. (2)То у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. (3)А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. (4)А на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. (5)Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! (6)А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжёлый мяч; по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. (7)И я тоже решил стать самым сильным человеком во дворе.

(8)Я сказал папе:

– Папа, купи мне боксёрскую грушу! (9)Буду тренироваться и стану боксёром.

– (10)Нечего тратить на ерунду деньги, – ответил папа. – (11)Тренируйся уж как-нибудь без груши.

(12)И он оделся и пошёл на работу. (13)А мама сразу же заметила, что я обиделся, и постаралась мне помочь.

(14)Она достала из-под дивана большую плетёную корзинку, где были сложены старые игрушки, и вынула из неё здоровущего плюшевого мишку.

– (15)Вот. (16)Хороший мишка, отличный. (17)Погляди, какой тугой! (18)Чем не груша? (19)Давай тренируйся сколько душе угодно!

(20)Я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. (21)И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было тренироваться и развивать силу удара.

(22)Он сидел передо мной такой шоколадный, и у него были разные глаза: один его собственный – жёлтый стеклянный, а другой большой белый – из пришитой пуговицы от наволочки. (23)Но это было неважно, потому что мишка смотрел на меня своими разными глазами и обе лапы поднял кверху, как будто он уже заранее сдаётся...

(24)И я вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и спать его укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал...

(25)И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства, а я хочу тренировать об него силу удара...

– (26)Что с тобой? – спросила мама, приоткрыв дверь.

(27)А я не знал, что со мной, я задрал голову к потолку, чтобы не видно было слёз, и сказал:

– Я раздумал быть боксёром.

(По В.Ю. Драгунскому)*

* *Драгунский Виктор Юзефович (1913–1972) – русский советский писатель, автор рассказов для детей.*

Текст 2.1

(1)Мама, когда я ещё не учился в школе, работала инженером и много чертила. (2)Чертежи были такие красивые, а её готовальня с блестящими штукаами была такая необыкновенно притягательная, что я не мог пройти мимо. (3)Конечно, меня отлавливали, не пускали, но несколько чертежей я всё же испортил, какие-то циркули сломал.

– (4)Его явно тянет к точным наукам, – серьёзно говорила мама отцу.

(5)В школе сразу стало ясно, что меня к точным наукам не тянет. (6)Я учился очень средне. (7)Мама говорила, что если я так продолжу, то стану грузчиком. (8)Выражение же лица отца в это время было таким, что я догадывался: он сомневается, что мама говорит правду.

(9)Короче, профессия грузчика как перспективная мною никогда не рассматривалась.

(10)Когда я учился в старших классах, родители преподавали в университете. (11)Мама вела термодинамику, а отец работал заведующим кафедрой на экономическом факультете.

(12)Но алгебра, геометрия и физика по-прежнему были самыми тёмными для меня предметами. (13)Родители сами понимали, что по их стопам я не пойду, и даже не намекали на это.

(14)Какие возможности у меня имелись? (15)Университет, институт культуры и, конечно же, медицинский.

(16)Медицинский мне всегда нравился. (17)Во-первых, там преподавал мой любимый дядя. (18)Во-вторых, там учился мой троюродный брат, который мне тоже нравился. (19)Но как-то пугала так называемая анатомичка. (20)Я понимал: даже просто войти в здание, где она находится, я не смогу.

(21)Тогда я стал ходить в институт культуры. (22)Слушал и смотрел выступления студенческого хора, концерты студентов эстрадного отделения, спектакли, поставленные и сыгранные студентами. (23)Конечно, я тогда плохо разбирался в этом, но мертвенную скуку и ужасающую безрадостность увиденного чувствовал. (24)Запах «анатомички», казалось, преследовал меня, он исходил там от всего: во всех выступлениях была видна ненужность происходящего. (25)Ненужность никому! (26)Ни выступающим, ни зрителям. (27)Это отсутствие надежды на радость заставило меня твёрдо отказаться от мысли поступить в институт культуры.

(28)Но я хотел... (29)Не знаю, чего я хотел. (30)Ничего определённого. (31)Мне хотелось быть студентом. (32)Хотелось учиться не очень трудно и не очень скучно... (33)Хотелось весёлой, интересной, настоящей жизни. (34)Главное – настоящей, всем существом – жизни.

(По Е.В. Гришковцу)*

* **Гришковец Евгений Валерьевич** (род. в 1967 г.) – современный российский писатель, драматург, режиссёр, актёр, музыкант. Стал известен после того, как в 1999 г. был удостоен национальной театральной премии «Золотая маска». Является автором книг «Рубашка», «Реки», «Следы на мне», «Асфальт».

Текст 2.2

(1)В первый год моей жизни, в день какого-то праздника, по старому поверью, родители мои устроили гадание: они разложили крест, детскую саблю, рюмку и книжку. (2)К чему первому притронусь, то и предопределит мою судьбу. (3)Принесли меня. (4)Я тотчас потянулся к сабле, потом поиграл рюмкой, а до прочего не хотелось дотрагиваться.

(5)Рассказывая мне впоследствии об этой сценке, отец смеялся: (6)«Ну, думаю, дело плохо: будет мой сын рубакой и пьяницей!»

(7)Старинное это гаданье, однако, и сбылось, и не сбылось. (8)Сабля, действительно, предрешила мою жизненную дорогу, но и от книжной премудрости я не отрёкся. (9)В четырнадцать лет увлечённо читал и писал стихи, в пятнадцать перешёл на «Анну Каренину», а в шестнадцать прочитывал и разбирал с товарищами всё подряд. (10)А пьяницей, к счастью, не стал.

(11)Рассказы отца, прошедшего тернистый путь от солдата до капитана, детские игры – всё это настраивало на определённый лад. (12)Мальчишкой я по целым часам пропадал в гимнастическом городке 1-го Стрелкового батальона, стрелял в тире пограничников. (13)Ходил версты за три на стрельбище стрелковых рот, пробирался с солдатами, считавшими пробоины, в укрытие перед мишенями. (14)Пули свистели над головами; было страшно, но очень занятно. (15)На обратном пути вместе со стрелками подтягивал солдатскую песню:

(16)Греми, слава, трубой
За Дунаем за рекой.

(17)Моё увлечение придавало мне вес в глазах мальчишек и вызывало их зависть...

(18)Словом, прижился в военной среде, приобретя приятелей среди офицерства, а ещё более – среди солдат.

(19)Будущая офицерская жизнь представлялась мне тогда в ореоле сплошного веселья и лихости, а не в бремени трудов и забот, как это бывает в действительности.

(20)По мере перехода в высшие классы свободного времени, конечно, становилось меньше, появились другие интересы, и воинские упражнения мои почти прекратились. (21)Не бросил я только гимнастики и преуспевал в «военном строе», который был введён в программу реального училища в 1889 году.

(22)Во всяком случае, когда я окончил училище, хотя высокие баллы по математическим предметам сулили лёгкую возможность поступления в любое высшее техническое заведение, об этом и речи не было. (23)Я избрал военную карьеру.

(24)Было ли это следствием гадания? (25)Не знаю...

(По А.И. Деникину)*

* *Деникин Антон Иванович (1872–1947) – русский военачальник, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист и военный документалист.*

Текст 2.3

(1)Ещё в детском саду Олег выучил песенку «В лесу родилась ёлочка». (2)С неё-то и начались неприятности. (3)Бабушка решила, что у внука замечательный слух и что «с таким абсолютным слухом абсолютно необходимо учиться музыке».

(4)Олега торжественно и шумно повели на экзамен в музыкальную школу. (5)А обратно привели тихо и растерянно: педагоги не обнаружили у мальчика музыкальных способностей.

(6)Бабушка очень огорчилась, но потом сказала, что первый провал внука как раз говорит о его незаурядном даровании: Шаляпина в молодости тоже не приняли в хор.

(7)Бабушка хорошо знала историю музыки. (8)Она даже сама играла на рояле, а в молодости мечтала стать пианисткой. (9)Но мечты эти не сбылись, и теперь Олег должен был преуспеть в искусстве сразу за двоих: за себя и за бабушку.

(10)Когда-то бабушка была бухгалтером, и, когда наступала пора годовых финансовых отчётов, старые сослуживцы приходили к Анне Степановне за помощью. (11)Сослуживцы любили бабушку, они говорили, что с ней вместе из бухгалтерии ушла музыка: бабушка постоянно что-нибудь напевала.

(12)Олег тоже любил бабушку, поэтому согласился учиться музыке. (13)Была куплена виолончель, и Олег начал ходить в музыкальный кружок.

(14)В отличие от бабушки, отец хотел, чтобы Олег стал в будущем толковым инженером.

– (15)Ты хочешь, чтобы он повторил твой путь, – говорила бабушка. – (16)Но пойми наконец: у него другое призвание. (17)Смычок – вот что он будет держать в руках всю жизнь!

(18)Однако часто по вечерам Олег держал в руках и рубанок, и напильник, и плоскогубцы, что очень тревожило бабушку.

– (19)Смотри, надо беречь руки! (20)Вся твоя судьба – в твоих руках! (21)Вернее сказать, в твоих пальцах.

– (22)Знаю, бабушка, – добродушно соглашался Олег. – (23)Вот я их и развиваю. (24)Так в музыкальном кружке советуют: стругайте, говорят, пилите! (25)Это тоже искусство!

(26)«Может быть, это новые методы музыкального воспитания?» – рассуждала бабушка.

(27)Все этажерки и книжные полки в доме были сделаны руками Олега. (28)Когда собирались гости, бабушка потихоньку, тайком от внука, хвасталась:

– Всё он!.. (29)Своими руками!

(30)И потом во всеулышание, чтобы слышал Олег, восклицала:

– Но главное, конечно, музыка! (31)Он будет музыкантом!

(По А.Г. Алексину)

* *Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.*

15.3 Как Вы понимаете значение слова **ВЫБОР**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему **«Что такое выбор»**.

Текст 3.1

(1)На первой перемене Жека укладывал в портфель учебники. (2)Мчавшаяся между партами Лисапета Вторая задела портфель – он, перевернувшись, брякнулся об пол. (3)Из него покатились шариковые ручки, какие-то гвоздики и шурупы, а ещё веером разлетелась пачка больших цветных портретов.

(4)С неожиданной суетливостью Жека метнулся их подбирать, отталкивая любопытных. (5)Но кто-то успел поднять несколько глянцевых листов. (6)И здесь началось...

– (7)Ребята, он сдвинулся по фазе! (8)Он артисток собирает!

(9)Стиснув до побеления губы, зыряка исподлобья, Жека пытался отнять портреты, а их перебрасывали с парты на парту, передавали по кругу – началась детская игра «А ну-ка, отними!»...

(10)Вошла учительница – все кинулись по местам, и начался урок. (11)Лисапета Вторая нацарапала записочку Вере, своей соседке по парте: «Жеку теперь засмеют!»

(12)Вера незаметно обернулась к Жеке. (13)Тот сидел сгорбясь – локти в парту, кулаки под закаменевшим подбородком, – взглядом упирался в одну точку – от всех отгорожен, замкнут, защёлкнут на замок. (14)Просто дикарь, да и только.

(15)После урока Лисапета подскочила к Вере:

– (16)Верка, я кое-что тебе расскажу, и ты просто умрёшь от удивления! (17)Я видела на почтамте, как Жека отправлял толстые конверты!

– (18)Кому отправлял?

(19)Лисапета, конечно, была неплохая девчонка, но, когда она появлялась, сразу хотелось съёжиться – так она суетилась и вращалась. (20)Казалось, будто Лисапета находится в нескольких местах сразу.

– (21)Помнишь, в нашем классе училась Лиза Ракитина, которая на север уехала? (22)Вот этой Лизке он и отправлял письма!

– (23)Не врешь?

– (24)Верка, я своими глазами видела: город Норильск, улица, дом, и вот такими буквами – Е. Ракитиной!.. (25)Я специально подошла поближе, чтобы адрес прочитать! (26)Она уехала, а он, представь, страдает! (27)Вот завтра в классе посмеёмся!

– (28)Тебе его не жалко?

– (29)Хоть одну-то извилину надо иметь! (30)Кому нужны эти дурацкие тайны? – фыркнула Лисапета. – (31)И эта Лизка Ракитина тоже хороша! (32)Помню, как она собирала этих актёров, чьи фотографии из журнальчиков выстригала! (33)Мещанка!

– (34)Она совсем не мещанка. (35)Просто она плохо видит. (36)Сидит в кино, а видит одни пятна, и ей хотелось запомнить актёров... (37)Вот он и отправляет ей открытки любимых актёров... (38)А Лизка Ракитина больше не живёт в Норильске! (39)Опять переехала, а он, наверное, не знает.

(40)Лисапета вдруг явственно увидела, как толстые Жекины конверты, обклеенные марками, цепочкой движутся на север, к городу Норильску. (41)Летят, будто стая гусей. (42)Их сбивает ветром, и они теряются где-то в снегах, пропадают бесследно. (43)И ей почему-то стало очень жалко, что эти письма не дойдут до своего адресата... (По Э.Ю. Шиму)*

* *Шим Эдуард Юрьевич (1930–2006) – русский советский писатель, драматург. Автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.*

Текст 3.2

(1) У Юры Хлопотова была самая большая и интересная коллекция марок в классе. (2) Из-за этой коллекции и отправился Валерка Снегирёв к своему однокласснику в гости.

(3) Когда Юра начал вытаскивать из массивного письменного стола огромные и почему-то пыльные альбомы, прямо над головами мальчишек раздался протяжный и жалобный вой...

– (4) Не обращай внимания! – махнул рукой Юрка, сосредоточенно ворочая альбомы.
– (5) Собака у соседа!

– (6) Почему же она воет?

– (7) Откуда я знаю. (8) Она каждый день воет. (9) До пяти часов. (10) В пять перестает.
(11) Мой папа говорит: если не умеешь ухаживать, не заводи собак...

(12) Взглянув на часы и махнув рукой Юре, Валерка в прихожей торопливо намотал шарф, надел пальто. (13) Выбежав на улицу, перевёл дух и нашёл на фасаде дома Юркины окна. (14) Три окна на девятом этаже над квартирой Хлопотовых были неуютно темны.

(15) Валерка, прислонившись плечом к холодному бетону фонарного столба, решил ждать, сколько понадобится. (16) И вот крайнее из окон тускло засветилось: включили свет, видимо, в прихожей...

(17) Дверь открылась сразу, но Валерка даже не успел увидеть, кто стоял на пороге, потому что откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился Валерке под ноги.

(18) Валерка почувствовал на своём лице влажные прикосновения тёплого собачьего языка: совсем крошечная собака, а прыгала так высоко! (19) Он протянул руки, подхватил собаку, и она уткнулась ему в шею, часто и преданно дыша.

– (20) Чудеса! – раздался густой, сразу заполнивший всё пространство лестничной клетки голос. (21) Голос принадлежал щуплому невысокому человеку.

– (22) Ты ко мне? (23) Странное, понимаешь, дело... (24) Янка с чужими... не особенно любезна. (25) А к тебе – вон как! (26) Заходи.

– (27) Я на минутку, по делу.

(28) Человек сразу стал серьёзным.

– (29) По делу? (30) Слушаю.

– (31) Собака ваша... Яна... (32) Воет целыми днями.

(33) Человек погрузился.

– (34) Так... (35) Мешает, значит. (36) Тебя родители прислали?

– (37) Я просто хотел узнать, почему она воет. (38) Ей плохо, да?

– (39) Ты прав, ей плохо. (40) Янка привыкла днём гулять, а я на работе. (41) Вот приедет моя жена, и всё будет в порядке. (42) Но собаке ведь не объяснишь!

– (43) Я прихожу из школы в два часа... (44) Я бы мог гулять с ней после школы!

(45) Хозяин квартиры странно посмотрел на непрошеного гостя, затем вдруг подошёл к пыльной полке, протянул руку и достал ключ.

– (46) Держи.

(47) Пришло время удивляться Валерке.

– (48) Вы что же, любому незнакомому человеку ключ от квартиры доверяете?

– (49) Ох, извини, пожалуйста, – мужчина протянул руку. – (50) Давай знакомиться!

(51) Молчанов Валерий Алексеевич, инженер.

– (52) Снегирёв Валерий, ученик 6-го «Б», – с достоинством ответил мальчишка.

– (53) Очень приятно! (54) Теперь порядок?

(55) Собаке Яне не хотелось спускаться на пол, а потом она бежала за Валеркой до самой двери.

– (56) Собаки не ошибаются, не ошибаются... – бурчал себе под нос инженер Молчанов.

(По В.К. Железникову)*

* *Железников Владимир Карпович (род. в 1925 г.) – современный детский писатель, киносценарист. Его произведения, посвящённые проблемам взросления, стали классикой отечественной детской литературы и переведены на многие языки мира.*

Текст 3.3

– (1)Няня, где Жучка? – спрашивает Тёма.
 – (2)Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод, – отвечает няня. – (3)Весь день, говорят, визжала, сердечная...

(4)Мальчик с ужасом вслушивается в слова няни, и мысли роем теснятся в его голове. (5)У него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя засыпает. (6)Он просыпается от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку, но она срывалась и вновь падала на дно колодца.

(7)Решив немедленно идти спасать свою любимицу, Тёма на цыпочках подходит к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, выходит на террасу. (8)На дворе светает.

(9)Подбежав к отверстию колодца, он вполголоса зовёт:

– (10)Жучка, Жучка!

(11)Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно визжит.

– (12)Я сейчас тебя вызволю! – кричит он, точно собака понимает его.

(13)Фонарь и два шеста с перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец. (14)Но этот так хорошо обдуманый план неожиданно лопнул: как только приспособление достигло дна, собака сделала попытку схватиться за него, но, потеряв равновесие, свалилась в грязь.

(15)Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, заставляет Тёму решиться на выполнение второй части сна – самому спуститься в колодец. (16)Он привязывает верёвку к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. (17)Он сознаёт только одно: времени терять нельзя ни секунды.

(18)На мгновение в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки. (19)Это успокаивает его, и он спускается дальше.

(20)Жучка, опять усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию. (21)Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

(22)Не теряя времени, Тёма обвязывает вожжами собаку, затем поспешно карабкается наверх. (23)Но подниматься труднее, чем спускаться! (24)Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. (25)Страх охватывает его, но он подбадривает себя дрожащим от ужаса голосом:

– (26)Не надо бояться, не надо бояться! (27)Стыдно бояться! (28)Труссы только бояться!
 (29)Кто делает дурное – боится, а я дурного не делаю, я Жучку вытаскиваю, меня мама с папой за это похвалят.

(30)Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил. (31)Таким образом, незаметно его голова высовывается наконец над верхним срубом колодца. (32)Сделав последнее усилие, он выбирается сам и вытаскивает Жучку. (33)Но теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его, и он падает в обморок.
 (По Н. Гарину-Михайловскому)*

* *Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852–1906) – русский писатель. Самым известным его произведением стала повесть «Детство Тёмы», с которой он начал своё литературное творчество.*

Текст 4.1

(1) На столе в комнатухе лежали драные-передраные книги, и мне надлежало, пользуясь клеем, пачкой папиросной бумаги, газетами и цветными карандашами, склеивать рваные страницы, прикреплять к серединке оторванные, укреплять корешок и обложку, а потом обёртывать книгу газетой, на которую следовало приклеить кусок чистой бумаги с красиво, печатными буквами, написанными названием и фамилией автора.

(2) «Одетую» мной книгу Житкова «Что я видел» Татьяна Львовна признала образцовой, и я, уединившись в библиотечных кулисах, множил, вдохновлённый похвалой, свои образцы.

(3) Благоговейная тишина, запахи книг оказывали на меня магическое действие. (4) На моём счету числилось пока что ничтожно мало прочитанного, зато всякий раз именно в этой тишине книжные герои оживали в моём воображении! (5) Не дома, где мне никто не мешал, не в школе, где всегда в изобилии приходят посторонние мысли, не по дороге домой или из дома, когда у всякого человека есть множество способов подумать о разных разностях, а вот именно здесь, в тишине закутка, ярко и зримо представали передо мной расцветенные, ожившие сцены, и я превращался в самых неожиданных героев.

(6) Кем я только не был!

(7) И Филиппком из рассказа графа Льва Толстого, правда, я при этом замечательно и с выражением умел читать, и, когда учитель в рассказе предлагал мне открыть букварь, я шпарил все слова подряд, без ошибок, приводя в недоумение и ребят в классе, и учителя, и, наверное, самого графа, потому что весь его рассказ по моей воле поразительно менялся. (8) А я улыбался и въевь, и в своём воображении и, как маленький Филиппок, утирал мокрый от волнения лоб большой шапкой, нарисованной на картинке.

(9) Я представлял себя и царевичем, сыном Гвидона, и менял действие сказки Пушкина, потому как поступал, на мой взгляд, разумнее: ткнув в нос или щёку сватью и бабу Бабариху, я прилетал к отцу, оборачивался самим собой и объяснял неразумному, хоть и добром, Гвидону, что к чему в этой затянувшейся истории.

(10) Или я представлял себя Гаврошем и свистел, издеваясь над солдатами, на самом верху баррикады. (11) Я отбивал чечётку на каком-то старом табурете, показывал нос врагам, а пули жужжали рядом, и ни одна из них не задевала меня, и меня не убивали, как Гавроша, я отступал вместе с последними коммунарами, прятался в проходных дворах. (12) Потом я ехал в родной город и оказывался здесь, в библиотечном закутке, и от меня ещё пахло порохом парижских сражений.

(13) Сочиня исправленные сюжеты, я замирал, глаза мои, наверное, останавливались, потому что, если фантазия накатывала на меня при свидетелях, я перехватывал их удивлённые взгляды, – одним словом, воображая, я не только оказывался в другой жизни, но ещё и уходил из этой.

(По А.А. Лиханову)*

* *Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.*

Текст 4.2

(1)Я хочу поведать вам историю, которая во многом определила моё отношение к миру.

(2)Всякий раз, когда заходит разговор о людях, хороши они или плохи, я вспоминаю этот случай из детства.

(3)Мы жили в деревне. (4)Однажды отец взял меня в город. (5)Помню, мы искали обувь и зашли по дороге в книжный магазин. (6)Там я увидел книгу. (7)Я взял её в руки, на каждой странице книги были большие картинки. (8)Я очень хотел, чтобы отец купил мне эту книгу, но он посмотрел на цену и сказал: «В другой раз купим». (9)Книга была дорогой.

(10)Дома я целый вечер говорил только о книге. (11)И вот через две недели отец дал мне деньги.

(12)Когда мы шли к магазину, мне было страшно: а вдруг книга уже продана? (13)Нет, книга лежала на месте.

(14)Мы сели в вагон дачного поезда, и все, разумеется, сразу заметили, какую книгу я везу. (15)Многие пассажиры садились рядом, чтобы посмотреть картинки. (16)Весь вагон радовался моей покупке, и на полчаса я стал центром внимания.

(17)Когда поезд отошёл от очередной станции, я поставил книгу на открытое окно и стал смотреть на лес, на поля и луга, которые мелькали за окном. (18)И вдруг – о ужас! (19)Книга исчезла между двойными окнами вагона. (20)Ещё не понимая серьёзности положения, я замер и испуганно смотрел на отца, на соседа-лётчика, который пытался достать книгу. (21)Через минуту уже весь вагон помогал нам.

(22)А поезд бежал, и вот уже скоро наша станция. (23)Я плакал, не желая выходить из вагона, тогда лётчик обнял меня и сказал:

– (24)Ничего, поезд ещё долго будет идти. (25)Мы обязательно достанем книгу и пришлём тебе. (26)Скажи мне, где ты живёшь?

(27)Я плакал и не мог говорить. (28)Отец дал лётчику адрес. (29)На другой день, когда отец вернулся с работы, он принёс книгу.

– (30)Достал?

– (31)Достал, – засмеялся отец.

(32)Это была та самая книга. (33)Я был на седьмом небе от счастья и засыпал с книгой в руках.

(34)А через несколько дней пришёл почтальон и принёс нам большой пакет. (35)В пакете была книга и записка от лётчика: (36)«Я же говорил, что мы достанем её».

(37)А ещё через день опять пришёл почтальон и опять принёс пакет, а потом ещё два пакета, и ещё три: семь одинаковых книжек.

(38)С того времени прошло почти 30 лет. (39)Книжки в войну потерялись. (40)Но осталось самое главное – хорошая память о людях, которых я не знаю и даже не помню в лицо. (41)Осталась уверенность: бескорыстных и хороших людей больше, чем плохих, и жизнь движется вперёд не тем, что в человеке плохого, а тем, что есть в нём хорошего. (По В.М. Пескову)*

* *Песков Василий Михайлович (1930–2013) – писатель, журналист, путешественник.*

Текст 4.3

(1)Вовка примчался через десять минут. (2)На моём столе лежал раскрытый том Пушкина. (3)Такую толстенную книгу Вовка никогда не видал.

– (4)Давай почитаем! – торопился Вовка.

(5)Как мы читали Пушкина! (6)Первый раз – самостоятельно, без руководства взрослых, пусть даже очень хороших и мудрых. (7)Как захлёбывались мы радостью познания неизвестных доселе слов и чувств – точно подкрались к благодатному источнику, который зачем-то прятали от нас прежде, давая из него лишь по глоточку отфильтрованной влаги. (8)И вот мы пьём медленно, без всяких помех, и нам ломит зубы студёность и новизна. (9)Мы были полны восторга, ещё не умея выразить то, что переполняет нас до самого края, а только слушая себя, своё сердце, слушая, как замирает оно, когда возносит вдруг душу какая-то волна, и как обрывается всё внутри, когда волна эта бросает вниз, словно испытывая нашу прочность.

(10)Мы ещё не знали, что стихи Пушкина обладают этим волшебным умением, что волнуют нас образы и видения, слагаемые из слов, и что мы переживаем одно из самых счастливых мгновений, которые даруются человеку.

(11)Отныне, встречаясь, мы с Вовкой вели странные речи, в которых незримо присутствовал Александр Сергеевич. (12)Ну, например, я спрашивал своего друга:

– Как ты вчера до дому довлачился? (13)В обитель дальнюю?

(14)А Вовка отвечал:

– Поздно уже прикандыбал. (15)Почти пред ясным восходом зари.

(16)Говоря друг другу эти слова, мы, конечно, шутили, но не так, чтобы очень. (17)Спроси нас в ту пору со взрослой строгостью в голосе, что это мы так по-дурацки шутим, мы бы, наверное, смутились и перестали вставлять в свою речь пушкинские слова, но мы ведь переговаривались негромко, говоря друг другу свои замечательные тирады, и, по крайней мере, никому другому знаний своих не демонстрировали.

(18)Лишь однажды Вовка сорвался.

(19)Так уж выходило, что слова эти и выражения легко и радостно впитывала наша память, похожая на губку, да ведь ещё мы и упражнялись, вставляя в свои речи пушкинские обороты, поэтому Вовку было трудно судить за раскрытие тайны, когда он вдруг сжал кулак и крикнул:

– Вострепещи, тиран! (20)Уж близок час паденья!

(21)Это было в начале последнего урока. (22)Анна Николаевна рассказывала про последние известия с фронта, а Вовка, такая у него была почётная обязанность, передвигал флажки на карте под руководством учительницы.

(23)Наши били фрицев, флажки двигались каждый день, расширяя фронт атак, и в тот день скакнули далеко вперёд. (24)Вот Вовка и не выдержал.

(25)Все засмеялись его необыкновенным словам – все, кроме меня и Анны Николаевны.

(26)Учительница же заглянула Вовке прямо в глаза, а потом долго смотрела ему вслед, пока мой друг, притихший, медленно, словно раненый, шёл к парте, усаживался, лез зачем-то в портфель.

– (27)М-мда! – задумчиво произнесла Анна Николаевна. (28)После небольшой паузы она сказала:

– Ребята, а давайте проведём в классе конкурс на лучшего исполнителя стихотворений Пушкина!
(По А.А. Лиханову)*

* Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.

15.1 Напишите сочинение-рассуждение, раскрывая смысл высказывания известного лингвиста В.В.

Текст 4.4

(1)Когда спрашивают, почему я, человек вполне сухопутный, так привязан к Севастополю, к морякам и кораблям, я говорю:

– (2)Потому что море я полюбил в детстве.

(3)И сегодня мне хочется вспомнить подробности тех дней, когда я впервые ощутил тоску по Севастополю.

(4)Это случилось в начале июня. (5)Я от нечего делать зашёл к Шалимовым. (6)Лёшка сердито мастерил из загнутой медной трубки и гвоздя пугач-хлопушку. (7)На меня он только глянул с хмурым равнодушием. (8)В те дни, о которых я рассказываю, он дразнил меня непонятным прозвищем Кнабель. (9)Впрочем, Лёшкины дразнилки были беззлобные, а по-настоящему злился он, если к нему лезли под руку во время важной работы. (10)Поэтому я не стал соваться и разглядывать пугач, а смиренно присел на укрытую суконным одеялом койку.

(11)На коричневом сукне лежала книга, на которой были разлапистые якоря, парусные корабли и слова: «С. Григорьев. Малахов курган».

(12)Всё, что было связано с морем и парусами, приводило меня в волнение. (13)Книгу я тихо открыл и стал читать, как десятилетний мальчик Венька стоит на крыше своего дома и смотрит на входящую в бухту эскадру, как блестит на солнце оранжевая ребристая черепица на белых домиках.

(14)Я листал страницы неслышно и сидел не шевелясь, боясь лишним движением напомнить о себе.

(15)Видимо, с пугачом ладилось: Лёшка, не сказав ни слова, ушёл, а через минуту на дворе грохнуло. (16)Выстрел встряхнул меня – надо было принимать решение. (17)Попросить Лёшку, чтобы дал почитать? (18)Он может ответить «бери», а может и буркнуть «сам читаю» или «не моя». (19)Я непослушными пальцами расстегнул на животе оловянные пуговицы, запихал книгу и боком скользнул на кухню. (20)Щёлкнул на двери крючком и замер с книжкой у стола...

(21)Через какое-то время Лёшка задёргал дверь.

– (22)Кнабель, это ты стёр книгу?

– (23)Всё равно не дам, пока не дочитаю! – отчаянно сказал я, потому что расстаться с повестью о Севастополе было, казалось, выше моих сил.

– (24)Ну, только выйди, – нехорошим голосом предупредил Лёшка.

(25)К середине следующего дня я дочитал «Малахов курган» и, виноватый, готовый к заслуженной каре, но всё равно счастливый, понёс книгу Лёшке. (26)Лёшка встретил меня вполне миролюбиво, улыбнулся и сказал:

– (27)Да ладно, у меня сейчас «Восемьдесят дней вокруг света» есть, а эту читай ещё, если охота...

(28)И я читал ещё. (29)Не спеша. (30)Про Веньку и про Нахимова, про гибель кораблей, затопленных у входа в бухту, и про матросов на бастионах. (31)А ещё в книге был Севастополь. (32)Я читал о жутких непрекращающихся бомбардировках, о развалинах и пожарах, но сквозь дым военного разрушения продолжал видеть мирный и солнечный город у необозримого моря. (33)Тот, который нужен был мне...
(По В.П. Крапивину)*

* **Крапивин Владислав Петрович** (род. в 1938 г.) – детский писатель. Его книги были включены в «Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества», «Библиотеку приключений и научной фантастики», «Библиотеку мировой литературы для детей». Некоторые произведения писателя экранизированы.

Текст 4.5

(1)В третью военную осень после уроков Анна Николаевна не отпустила нас по домам, а раздала узкие полоски бумаги, на которых под жирной фиолетовой печатью – всё честь по чести! – было написано, что такой-то или такая-то действительно учится во втором классе девятой начальной школы.

– (2)Вот! (3)С этой! (4)Справкой! – разделяя слова, делая между ними паузы и, таким образом, не просто объясняя, а внушая, вдалбливая нам правило, которое требовалось запомнить, Анна Николаевна разъясняла и остальное. – (5)И письменным! (6)Поручительством! (7)Мамы! (8)Вы! (9)Пойдёте! (10)В детскую! (11)Библиотеку! (12)И запишетесь!

(13)Детское ликование не остановить. (14)Да и не нужно его останавливать, потому что это ведь стихия. (15)Поэтому наша мудрая Анна Николаевна только улыбнулась, когда мы заорали на радостях, заколготились в своих партах, как в коробах, отошла в сторону, прислонилась к тёплой печке, прикрыла глаза и сложила руки калачиком.

(16)Теперь самое время объяснить, отчего уж мы так возрадовались. (17)Дело в том, что все мы давно уже научились читать – соответственно возрасту, конечно же, запросом разделялись с тонкими, ещё довоенными, клееными-переклееными книжечками, которые давала в классе Анна Николаевна, но вот в библиотеку нас не пускали, в библиотеку записывали почему-то лишь со второго класса. (18)А кому в детстве не хочется быть постарше? (19)Человек, который посещает библиотеку, – самостоятельный человек, и библиотека – заметный признак этой самостоятельности.

(20)Постепенно мы утихли, угомонились, и Анна Николаевна снова стала объяснять.

– (21)В письменном! (22)Поручительстве! (23)Мама должна написать! (24)Что в случае! (25)Потери! (26)Книг! (27)Она! (28)Возместит! (29)Утрату! (30)В десятикратном! (31)Размере!

– (32)Теперь вы понимаете свою ответственность? – спросила она уже обыкновенным, спокойным голосом.

(33)Можно было и не спрашивать. (34)Без всякого сомнения, штраф за потерянную книжку в десятикратном размере выглядел чудовищным наказанием. (35)Выходило, что книжки читать будем мы и терять, если доведётся, тоже будем их мы, а вот мамам придётся страдать из-за этого, будто мало им и так достаётся.

(36)Да, мы росли в строгости военной поры. (37)Но мы жили, как живут люди всегда, только с детства знали: там-то и там-то есть строгая черта, и Анна Николаевна просто предупреждала об этой черте. (38)Внушала нам, второклассникам, важную истину, согласно которой и мал и стар зависимы друг от дружки, и коли ты забудешь об этом, забудешь о том, что книжку надо беречь, и потеряешь по рассеянности или ещё по какой другой, пусть даже уважительной причине, то маме твоей придётся отвечать за тебя, плакать, собирать по рублю деньги в десятикратном размере.

(39)Повздыхав, зарубив себе на носу жестокий размер ответственности и ещё одно правило, по которому мама должна прийти сама вместе с тобой, захватив при этом паспорт, мы вылетели на волю, снова ликуя и толкаясь.

(По А.А. Лиханову)*

* *Лиханов Альберт Анатольевич* (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.

Текст 5.1

(1)В это утро Динка проснулась с тревогой на душе и, как только открыла глаза, вспомнила про Андрея, вспомнила, что сегодня, как обычно, приедет он, Хохолок. (2)Надо было хорошенько обдумать, как сказать ему, что она, Динка, повзрослела и никогда больше не сядет на раму его велосипеда, не поедет с ним кататься. (3)Ни в лес, ни в поле, ни по длинной тропке среди моря колосьев ржи. (4)Ничего этого больше не будет! (5)Не будет и тайн, рассказанных верному другу детства Хохолку.

(6)Тревожно на душе у Динки. (7)Она уже не думает о себе, она думает, как смягчить незаслуженную обиду, чтобы облегчить удар. (8)Ей вспоминается, как трудно было Хохолку приобрести велосипед и с каким торжеством он примчался на нём в первый раз. (9)«Теперь я буду катать тебя каждое воскресенье!» – сказал он тогда. (10)И с тех пор, уже второе лето, каждое воскресенье он обязательно мчал её куда-нибудь.

(11)Одно только воспоминание об этом нестерпимо мучило Динку, она видела перед собой знакомые глаза и хорошо знала: эти умные глаза читают в её душе... (12)И обманывать их бесполезно. (13)Да и как можно обманывать друга?

(14)Конечно, много мелких выкручиваний, много детского вранья лежит на совести прежней Динки. (15)Но ведь всё это было другое. (16)А Динка росла, и жизнь ставила задачи всё труднее, серьезнее. (17)Эти задачи требовали смелых решений, но ещё ни разу они не требовали от Динки такой жертвы – отказаться от одного ради другого.

(18)Динка молча сидела за столом, рассеянно улыбалась Лёне, не замечая, что он давно следит за ней беспокойным взглядом. (19)«Как я скажу Андрею?» – мучительно думала Динка. (20)А в глубине террасы стоял Лёня, и сердце его сдавливала боль.

(21)Проследив остановившийся взгляд Динки, Лёня увидел въезжающий с дороги велосипед.

– (22)Не говори ему ничего, – сжимая холодную руку подруги, быстро сказал Лёня.
– (23)Слышишь меня?..

– (24)Слышу, – прошептала Динка, и губы её дрогнули. – (25)Я, конечно, всё понимаю, Лёня... (26)Нас было трое друзей. (27)А теперь должно быть двое! (28)И из нас троих нельзя обмануть никого!

(По В. Осеевой)*

* *Осеева-Хмельёва Валентина Александровна (1902–1969) – детская писательница. Самыми известными её произведениями стали повести «Динка», «Динка прощается с детством».*

Текст 5.2

(1)Всё началось на перемене перед шестым уроком. (2)Лена Болдырева, томная пышноволосяя красавица, закапризничала:

– (3)Слушайте, люди, меня уже достала эта химия!

(4)Кто-то в тон ей произнёс с плачущей интонацией:

– (5)А кого она не достала!

(6)Этих реплик хватило для того, чтобы суматошная, искрящаяся мысль о побеге с урока вспыхнула молнией. (7)Наш класс считался образцовым, в нём учились восемь отличников, и было нечто забавно-пикантное в том, что именно мы, добропорядочные, примерные дети, странной, необычной выходкой поразим всех учителей, украсив тусклую однотонность школьных будней яркой вспышкой сенсации. (8)От восторга и от тревоги ёкало сердце, и, хотя никто не знал, во что выльется наше приключение, обратной дороги уже не было.

– (9)Только, народ, чтобы всем коллективом! – предупредил нас Витёк Носков.

(10)Так как у меня по химии за полугодие выходила спорная четвёрка, мне, честно говоря, сбегать с урока резона не было, но воля коллектива выше личных интересов. (11)Все двинулись к дверям, в классе оставался только Петруха Васильев, который спокойно, ни на кого не обращая внимания, что-то писал в тетради.

– (12)Василёк, ты чего присох?! – крикнул Носков. – (13)Времени, понимаешь, в обрез: весь класс когти рвёт...

– (14)А я разве не пускаю вас? – ответил Петруха.

(15)Носков злобно прищурился:

– (16)Петруха, против коллектива идёшь!

– (17)Я что-то не так делаю? (18)Вам не надо – вы ухóдите, мне надо – я остаюсь.

– (19)Кончай, говорю, писать и давай собирайся...

– (20)Он, небось, кляuzu на нас уже строчит! – сострила Болдырева.

– (21)Петруха, трус, предатель!

(22)Петруха беспокойно посмотрел на хмуро насупившегося Носкова, но ничего не ответил.

– (23)Хочешь пробиться в любимчики за счёт остальных? (24)Только знай: подхалимов нигде не любят! (25)Так что ты взвесь, что тебе дороже: оценка за полугодие или наше отношение! – грозно промолвил Носков. (26)Стало тихо, и в этой напряжённой тишине отчётливо прозвучал голос Васильева:

– (27)Я никуда не пойду!

– (28)Ну смотри! – сказал Носков и с непримиримой злостью посмотрел на отступника.

(29)Но внезапно от нас отделился Игорь Елисеев. (30)Он сел на своё место, рядом с Петрухой, и стал доставать из портфеля учебники.

– (31)А ты чего, Гарри? – недоуменно спросил Носков.

– (32)Я тоже остаюсь...

– (33)Друга, что ли, спасаешь? – Носков хмыкнул.

– (34)Да, спасаю. (35)У его матери инфаркт был, начнётся канитель с нашим побегом – её в школу начнут дёргать... (36)Бог знает, чем это кончится! – ответил Елисеев.

– (37)Хоть бы химичка тебя спросила и закатали пару! – прорычал взбешённый Носков и плюхнулся на свой стул. (38)Все остальные, разочарованно охая, вернулись на свои места.

(39)Васильев и Елисеев сидели передо мной, и я видел, как Петруха посмотрел на Игоря, листавшего учебник, задержал на нём благодарный взгляд и легонько тронул его за локоть, а тот ободряюще кивнул ему в ответ. (40)Настоящий друг! (По Н. Татаринцеву)*

* *Н. Татаринцев* (род. в 1947 г.) – российский писатель-публицист.

Текст 5.3

(1)Илья и Саня вместе учились с первого класса. (2)Миха попал к ним позже. (3)В той иерархии, которая выстраивается самопроизвольно в каждом коллективе, все трое занимали самые низкие позиции – благодаря полнейшей непригодности ни к драке, ни к жестокости. (4)Илья был длинным и тощим, его руки и ноги вечно торчали из коротких рукавов и штанин. (5)Всегда одетый хуже других, тоже плохо одетых ребят, он постоянно паясничал и насмешничал, делал представление из своей бедности, и это был высокий способ её преодоления.

(6)Санино положение было хуже. (7)Всё вызывало у одноклассников зависть и отвращение: курточка на молнии, девичьи ресницы, раздражающая миловидность лица и полотняные салфетки, в которые был завернут домашний бутерброд. (8)К тому же он учился играть на пианино. (9)И не было никакого умиления, а только одни злые насмешки.

(10)Соединил Илью и Саню Миха, когда появился в пятом классе, вызвав общий восторг: он был идеальной мишенью для всякого неленивого – классическим рыжим. (11)Стриженная голова, отливающий красным золотом кривой чубчик, даже глаза с оранжевым переливом. (12)К тому же – очкарик.

(13)Первый раз Миху поколотили уже первого сентября – несильно и назидательно – на большой перемене. (14)И даже не сами заводилы, Мурыгин и Мутюкин – те не снизошли, – а их подпевалы и подвывалы. (15)Миха стойчески принял свою дозу, открыл портфель, достал платок, чтобы стереть кровь, и тут из портфеля высунулся котёнок. (16)Котёнка отобрали и стали перекидывать из рук в руки. (17)Появившийся в этот момент Илья – самый высокий в классе! – поймал котёнка над головами волейболистов, и прозвеневший звонок прервал это интересное занятие.

(18)Входя в класс, Илья сунул котёнка подвернувшемуся Сане, и тот спрятал его в свой портфель.

(19)На последней перемене главные враги рода человеческого, Мурыгин и Мутюкин, котёнка немного поискали, но вскоре забыли. (20)После четвёртого урока всех отпустили, и мальчишки с гиком и воем рванулись вон из школы, оставив этих троих без внимания в пустом классе, уставленном пёстрыми астрами.

(21)Миха подробно рассказал, как утром, по дороге в школу, вытащил бедолагу-котёнка почти из самой пасти собаки, собиравшейся его загрызть. (22)Но отнести его домой, однако, он не мог, потому что тётя, у которой он жил с прошлого понедельника, ещё неизвестно как бы к этому отнеслась.

(23)Они вышли из школы втроём. (24)Мальчишки брели и болтали, болтали и брели, а потом остановились возле Яузы, замолчали. (25)Почувствовали одновременно – как хорошо: доверие, дружество, равноправие. (26)И мысли нет, кто главней, напротив, все друг другу в равной степени интересны. (27)Что-то важное произошло: такая сцепка между людьми возможна только в юном возрасте. (28)Крючок впивается в самое сердце, и нить, связывающая людей детской дружбой, не прерывается всю жизнь.

(По Л.Е. Улицкой)*

* Улицкая Людмила Евгеньевна (род. в 1943 г.) – современная российская писательница, произведения которой переведены на 25 языков.

Текст 5.4

(1)В школе я дружила с Лялей Ивашовой и Машей Завьяловой.

(2)Маша умела всё: рисовать, петь, ходить на руках. (3)Соревноваться с ней было бессмысленно, как с Леонардо да Винчи. (4)Учителя могли бы ставить ей пятёрки, не вызывая к доске. (5)Она беспощадно экспериментировала на себе самой: то выдумывала причёску, которую вполне можно было выдвинуть на премию по разделу архитектурных сооружений, то изобретала юбку с таким количеством складок, что на ней хотелось сыграть, как на гармонии.

(6)Маша сочиняла стихи и забывала их на тетрадных обложках, на промокашках. (7)Я собирала четверостишия, ставила внизу даты, прятала их, сберегая для потомства, а многие помнила наизусть.

(8)С моцартовской лёгкостью Маша перелагала свои стихи на музыку и исполняла их под гитару.

(9)Лицо её было подвижным, как у клоуна: она и им распорядилась без натуги.

(10)Разочарование, восторг, изумление – все эти чувства сменяли друг друга, не оставляя места неопределённости. (11)Отсутствие однообразия и было Машиным образом.

(12)Никто не считал Машу чемпионкой класса по «многоборью», так как она ни с кем не боролась, поскольку её первенство было бесспорным.

(13)Во всём, кроме женственности и красоты: тут первой считалась Ляля.

(14)Красивые женщины даже во сне не забывают, что они красивы. (15)Красавицы привыкают к жертвенному поклонению и уже не могут без него обходиться. (16)Ляля восхищённых взоров не замечала, и они от этого становились ещё восхищённее.

(17)Мне самой от поклонников не приходилось обороняться – и я обороняла от них Лялю.

– (18)Не живи чужой жизнью! – уговаривала меня мама, видя это.

(19)Маше сулили чин академика, Ляле – покорительницы сильного пола и создательницы счастливой семьи, а я просто была их подругой. (20)Мне ничего не сулили.

(21)Я гордилась Лялиной красотой и Машиными талантами более громко, чем собственными достоинствами, именно потому, что эти достоинства были всё-таки не моими: в нескромности меня обвинить не могли.

– (22)Ты продолжаешь жить чужой жизнью, восторгаешься не своими успехами, – констатировала мама.

– (23)Это, по-твоему, плохо? – удивилась я.

– (24)Сиять отражённым светом? – (25)Она задумалась и повторила то, что я уже слышала от неё:

– Смотря чьим светом!

(По А.А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.

Текст 5.5

(1)Мы с мамой переехали в этот дом недавно. (2)Самое интересное здесь – двор. (3)Он большой, зелёный, есть где играть и в мяч, и в пряталки, и в разные другие игры. (4)Ребята играли почти каждый день, особенно летом. (5)И я постепенно перезнакомился с ними, и все мы относились друг к другу по-хорошему.

(6)Потом меня стали назначать судьёй в волейбольных встречах. (7)Судить никто не любил, все хотели играть, а я – всегда пожалуйста: как не помочь друзьям?.. (8)А бывало, что на широком крыльце соседнего деревянного дома мы играли в шахматы и лото.

(9)Иногда ребята приходили ко мне домой. (10)Пластинки слушали, играли моей железной дорогой, болтали о том о сём, но ни о чём серьёзном.

(11)И ещё ребята любили, когда я пускал с балкона бумажных голубей. (12)Точнее говоря, это были не совсем голуби. (13)Я научился делать из бумаги птичек, похожих на летающие блюдца.

(14)Совсем круглых, только со складкой посередине и с треугольным клювиком. (15)Они здорово летали, плавными широкими кругами. (16)Иногда ветер подымал их на приличную высоту и уносил со двора.

(17)Ребята толпой гонялись за каждым голубком – кто первый схватит! (18)Чтобы не было свалки, решено было заранее говорить, какого голубка я кому посылаю.

(19)Дело в том, что каждого голубка я разрисовывал фломастерами. (20)На одном рисовал всякие узоры, на другом – кораблики среди моря, на третьем – сказочные города, на четвёртом – цветы и бабочек. (21)И всякие космические картинки. (22)И ещё много всего – получалось красиво и интересно.

(23)Ребятам это, конечно, нравилось, но я всё равно был среди них чужим. (24)И вдруг я расхотел пускать с балкона голубков.

(25)Я сделал последнего и – сам не знаю почему – нарисовал вечернее небо, оранжевое солнце на горизонте и дорогу, по которой идут рядом двое мальчишек.

(26)Хотя нет, я знал, почему нарисовал такое. (27)Хотелось, чтобы появился друг. (28)Не случайный, не на час, когда забегает поиграть в шахматы или послушать Пола Маккартни, а настоящий...

(29)Я пустил голубка с балкона, и ветер схватил и унёс его за тополя. (30)И я подумал: вот найдёт кто-нибудь, догадается, придёт ко мне... (По В. Крапивину)*

* **Крапивин Владислав Петрович** (род. в 1938 г.) – современный писатель, журналист, автор книг о детях и для детей, в том числе фантастических.

Текст 5.6

(1)И вот появился в моей жизни Павлик. (2)У дворовых и у школьных ребят навсегда засело в памяти, что в нашей паре я был ведущим, а Павлик – ведомым. (3)Это осталось с той поры, когда я «вводил Павлика в свет» – сперва во дворе, потом в школе, где он оказался на положении чужака.

(4)На самом деле душевное превосходство было на стороне Павлика. (5)Моё долгое приятельство с Митей не могло пройти бесследно: я привык к известному моральному соглашательству, а прощение предательства немногим отличается от самого предательства. (6)Павлик не признавал сделок с совестью, тут он становился беспощаден. (7)Нам было лет по четырнадцать, когда я на своей шкуре испытал, насколько непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик.

(8)Я неплохо знал немецкий, домашних заданий никогда по этому предмету не готовил, но однажды настал и мой черёд, когда Елена Францевна ни с того ни с сего вызвала меня к доске, будто самого рядового ученика, и велела читать стихотворение.

– (9)Какое стихотворение? (10)Меня же не было в школе, я болел.

(11)Она стала листать классный журнал.

– (12)Совершенно верно, ты отсутствовал, а спросить у товарищей, что задано, не догадался?

(13)И я нашёл выход. (14)О домашних заданиях я спрашивал у Павлика, а он, наверное, забыл. (15)Я так и сказал Елене Францевне с лёгкой усмешкой, призывая и её отнестись к случившемуся юмористически.

– (16)Встань! – приказала Павлику немка. – (17)Это правда?

(18)Он молча наклонил голову, и я тут же понял, что это неправда. (19)Как раз о немецком я его и не спрашивал.

(20)Елена Францевна, забыв обо мне, перенесла свой гнев на Павлика, а он слушал её, по обыкновению, молча, не оправдываясь и не огрызаясь.

(21)Когда, довольный и счастливый, я вернулся на своё место, Павлика не оказалось рядом. (22)Я оглянулся: он сидел через проход позади меня, и у него были холодные, пустые глаза.

– (23)Ты чего это? (24)Не стоит из-за этого дуться, ну покричит и забудет.

25)Он молчал и глядел мимо меня. (26)Какое ему дело до Елены Францевны, он и думать о ней забыл. (27)Его предал друг. (28)Спокойно, обыденно и публично, среди бела дня, ради грошовой выгоды предал человек, за которого он, не раздумывая, пошёл бы в огонь и в воду.

(29)Почти год держал он меня в отчуждении. (30)Все мои попытки помириться так, «между прочим», успеха не имели. (31)Ничего не получалось – Павлик не хотел этого. (32)Не только потому, что презирал всякие обходные пути, мелкие уловки и хитрости – прибежище слабых душ, но и потому, что ему не нужен был тот человек, каким я вдруг раскрылся на уроке немецкого.

(По Ю.М. Нагибину)*

* **Нагибин Юрий Маркович** (1920–1994) – писатель-прозаик, журналист и сценарист. Его произведения, посвященные темам войны и труда, воспоминаниям детства, судьбам современников, переведены на многие языки мира.

Текст 5.7

(1)В конце третьего класса, как раз по весне, когда вскрылась река и с шорохом и гулом уплыли вниз по воде рыхлые серые льдины, наша учительница Анна Николаевна привела в класс нового ученика в кителе с морскими пуговицами. (2)Эти пуговицы бросились мне в глаза прежде всего: у всех были железные пуговицы со звёздочкой, а у Витьки Борецкого – с якорями.

(3)Витька Борецкий сидел в классе тихо на предпоследней парте, посверкивал завидными пуговицами, был тих и аккуратен, тянул руку, если хотел сказать или спросить, в общем, был образцовым пай-мальчиком, совершенно непохожим на нашу шумливую братию.

(4)Вовка Мешков с первого дня невзлюбил Борецкого. (5)У Мешкова отроду не было внутренних тормозов. (6)Был он развязный, невоспитанный, и у него даже, казалось, глазки хищно щурились, когда он смотрел на Витьку. (7)Вот и придумал он Борецкому неприличную кличку и так затерроризировал бедного Витьку, что тот решил перейти в другую школу.

(8)И вот однажды Анна Николаевна сказала, что школе дали много денег для оборудования, и мы отправились в магазин наглядных пособий.

– (9)Ребята, выбирайте, что вам нравится! – скомандовала Анна Николаевна.

(10)Мы, как дрова, таскали на телегу стеклянные пирамиды, циркули, банки со змеями и лягушками.

(11)Когда мы зашли в магазин за новыми охалками пособий, Анна Николаевна вдруг задумчиво проговорила:

– (12)Деньги-то ещё остались. (13)Чего бы ещё купить?

(14)Я не успел подумать о самом страшном для меня во всём магазине, как Анна Николаевна воскликнула, смеясь:

– (15)Скелет продаётся?

(16)В ту же секунду меня озарило: а ведь этот скелет спасёт Витьку! (17)Я был абсолютно уверен, что самое страшное пособие поможет Витьке остаться в нашей школе, помириться с Вовкой и забыть свою позорную кличку.

(18)А план уже отчеканился в моей голове, и я как бы невзначай предложил Витьке:

– (19)Хочешь сфотографироваться с ним?

(20)Решительным шагом я подошёл к Борецкому, придвинул его к скелету, взял костлявую кисть и положил Витьке на плечо. (21)Щёлкнул затвор – готово!

(22)Вечером я предложил Борецкому прогуляться в поисках желанной встречи с Вовкой.

(23)Вовку мы встретили на набережной, где он катался на велосипеде.

(24)Неторопливым движением я достал фотографию и протянул Вовке:

– (25)Посмотри!

(26)Он нехотя взял карточку, и глаза у него поехали на лоб.

– (27)Ну ты даё-ёшь! – прошептал он и уставился на Витьку.

(28)Я ликовал. (29)Пусть попробует теперь Вовка повторить позорную кличку, выдуманную для Витьки! (30)Язык у него больше не повернётся!

(31)Мешков глядел на Борецкого с ярко выраженным уважением, и Витька потихоньку выпрямлял спину, приподнимал подбородок. (32)А Вовка всё смотрел на Витьку, и взгляд его постепенно становился восторженным.

(По А.А. Лиханову)*

* Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.

Текст 5.8

– (1)Говорят, что самые непримиримые недруги – это бывшие друзья, – сказала нам однажды наша дочь Оля. – (2)Я убедилась, что это так.

(3)Люсю Катунину она называла на французский манер: Люси (4)«Как в доме Ростовых! – поясняла Оленька. – (5)Или Болконских».

(6)Люся упорно предрекала нашей дочери судьбу Леонардо да Винчи.

(7)Несмотря на сопротивление Оленьки, она таскала за ней огромную папку с рисунками, даже готовила краски и мыла кисточки. (8)Какая женщина устоит перед таким обожанием? (9)Оленька стала дружить с Люси хотя времени на дружбу у неё было мало.

(10)Да и у Люси, признаться, его было не очень много. (11)Люсиная мама в течение долгих лет не поднималась с постели.

(12)Стремясь доставить матери радость, дочка восклицала:

– (13)Если б ты видела фигуру спящего льва, которую вылепила Оля! (14)Я весь вечер говорю шёпотом: вдруг он проснётся?

(15)Часто она забирала Олины работы, чтобы показать маме, и взяла слово, что, когда мама наконец поднимется, Оля нарисует её портрет.

(16)Люся и сама потихоньку рисовала, но мы видели только её заголовки в школьном юмористическом журнале, который, по предложению Оли, носил название «Детский лепет».

(17)Неожиданно всё изменилось.

(18)В художественной школе организовали встречу с прославленным мастером живописи. (19)Люся высоко чтит этого мастера. (20)Но чтит его и все остальные, поэтому школьный зал оказался переполненным. (21)И Оленька не смогла провести туда подругу.

– (22)Я не нашла для Люси места в зале, – рассказывала в тот вечер Оля. – (23)А она обиделась... (24)И на что?! (25)Академик живописи рисует гораздо лучше, чем говорит. (26)Я сказала ей: «Ты знаешь его работы. (27)Значит, ты с ним знакома. (28)Художник – это его творчество». (29)А она вернула мою папку с рисунками. (30)Как говорят, «заберите ваши игрушки».

– (31)И что же дальше? – спросила я дочь.

– (32)Ну и мерси, дорогая Люси – в рифму пошутила Оленька.

– (33)Друзей труднее найти, чем потерять.

– (34)Раз можно потерять, значит, это не такой уж и друг!

– (35)Не нашла места в зале? – задумчиво произнесла я. – (36)Если бы ты нашла его у себя в сердце... (По А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют о мире юности.

Текст 5.9

(1)Солнце садилось. (2)Вокруг пахло вечерней прохладой. (3)Птицы замолчали, уступив место нашему герою. (4)Он вскарабкался на остатки трухлявого пенёчка, чтобы быть повыше, и запел. (5)Это был светлячок – маленькая букашечка, и пел он свою незатейливую песенку о том, что видел: прекрасную картину заката, красивое небо, зелёное море травы, серебряные слёзы росы и любовь. (6)Он пел о любви к жизни. (7)Он во всём видел любовь. (8)И хоть его вокальные данные были небогатые, он думал, что поёт прекрасно, ведь у него было так много слушателей, они им восхищались, каждый хотел быть его другом. (9)Но глупый светлячок не понимал, что это всё лишь потому, что он обладал очень необычным свойством: в отличие от панцирей всех остальных светлячков, его панцирь не просто горел зелёным огоньком, а переливался всеми цветами радуги, как гранёный бриллиант. (10)А стоит только одному сказать, что он знаком с чудесным светлячком, который блестит, как бриллиант, то другой, конечно, решит во что бы то ни стало стать его другом, за ним третий, четвёртый и так далее, а зачем – никто не знает, просто так повелось.

(11)Однажды светлячок заметил, что его слушает белокурый мальчик, который сидит рядом в траве, повернув голову к заходящему солнцу.

(12)Светлячок до утра пел мальчику, описывая то, что видит, и придумывая всё новые и новые сравнения, а на рассвете убежал к своим друзьям. (13)Но, пропадая среди лести и восхищения, он всё же иногда прибегал на полянку, где в любое время ждал его мальчик.

(14)Время шло, безжалостно пожирая минуты, часы, дни, годы; светлячок постарел, потускнел, друзей больше у него не было, в гости его не приглашали, им не восхищались. (15)Всё было кончено, и светлячок в отчаянии побрёл на ту же полянку, где ждал его мальчик, подошёл к нему и тяжело вздохнул. (16)Мальчик это услышал и, не поворачивая головы, спросил:

– (17)Что случилось? (18)Тебя так долго не было, и я по тебе соскучился.

– (19)А разве ты не видишь?

– (20)Нет, – ответил мальчик.

– (21)Ну и ладно, – сказал светлячок.

– (22)Расскажи мне, что ты видишь, – попросил мальчик.

– (23)Что? – удивился светлячок.

– (24)Спой свою песенку. (25)Мне так нравится слушать, как ты красиво описываешь природу, небо, солнце, траву... (26)Вот бы хоть раз взглянуть на это.

(27)И тут только светлячок понял, что мальчик слепой и ему всё равно, блестит у светлячка панцирь или нет. (28)Он ему нужен даже без блеска. (29)Он ему нужен!

– (30)Давай я тебе сегодня расскажу про дружбу.

– (31)А что это такое? (32)Ты раньше не пел мне об этом.

– (33)Раньше я просто не знал, что это такое, а теперь знаю.

(Притча)*

* *Притча* – это небольшой поучительный рассказ.

Текст 5.10

(1)Веньке здорово не повезло с именем – Вениамин! (2)И на имя-то не похоже! (3)Прямо лекарство какое-то, вроде антигриппина. (4)Или вот цветок ещё есть такой – бальзамин. (5)А Веня – это ещё хуже: Веня, племя, бремя, семя... (6)Кошмар какой-то! (7)Мама дома иногда называет его ещё и Веником. (8)Венька всегда зажмуривается, когда это слышит. (9)Но не станешь же объяснять маме, что это его раздражает и звук этого «Веника» для него всё равно что скрежет железа по стеклу.

(10)Одноклассники часто говорили ему обидные слова, но Венька в общем-то не обижался. (11)Он просто был не таким, как все, был особенным...

(12)Пашки Винтуева в школе не было больше месяца. (13)Учительница Кира Геннадьевна уговаривала одноклассников сходить к Пашке в больницу или хотя бы написать ему записки, но все отказались самым решительным образом. (14)Венька не мог даже предположить, что ещё кого-то в классе не любят так же, как его самого.

(15)Очень хорошо зная, как тяжело быть одному, Венька решил съездить к Пашке самостоятельно.

(16)В школьном буфете Венька купил пару булочек с клюквенной начинкой. (17)Ради такого случая можно даже пожертвовать папиной ручкой. (18)Кто ещё Винту такую принесёт?

(19)Винт здорово обрадовался Веньке и долго представлял его ребятам в палате:

– (20)Глядите! (21)Это Венька... из моего класса! (22)Друг!

(23)Венька никогда не был другом Винта. (24)Друг – это такое, что не у каждого бывает. (25)Ладно, пусть ребята в палате думают, что у Винта друг Венька.

(26)Венька протянул Винту пакетик с двумя булочками и папиной ручкой:

– (27)Это тебе передача... от класса...

– (28)Вот что значит – друзья! – сказал Пашка громко и слегка качнул загипсованной рукой.

– (29)Антуана поставят на учёт в детскую комнату милиции.

– (30)За что? – испугался Пашка.

– (31)Как это за что? (32)За твою руку.

– (33)Не может быть... я же сам виноват... – Пашка выглядел растерянным.

(34)Венька удивился, что Винт, оказывается, всё правильно понимает, и пояснил:

– (35)Твои родители на него заявление в милицию написали.

– (36)Ну, дают! – разозлился Пашка. – (37)Венька, скажи Антуану, что всё обойдётся: заберут они своё заявление как миленькие!

(38)Через неделю Винт пришёл в школу. (39)Хотя никто не хотел писать ему записки в больницу, но возвращению его в класс все обрадовались.

(40)Ребята разглядывали Пашкину руку с уважением и некоторым смущением. (41)Перед самым уроком Винт подошёл к Веньке и попросил:

– (42)А можно я с тобой сяду?

(43)Венька тут же собрал разбросанные по парте учебники и тетради. (44)Со второго класса с ним никто не садился после того, как он подрался со Славкой Никоненко. (45)Пашка сел рядом – Венька боялся даже дышать. (46)Он решил, что этот день стал самым счастливым за последние шесть лет его жизни.

(По С.А. Лубенец)*

* *Лубенец Светлана Анатольевна* – современная детская писательница из Санкт-Петербурга, пишет книги о подростках, взаимоотношениях между ними, самых обыкновенных и не совсем обычных ребятах. Её серии «Только для девочек», «Только для мальчишек», «Чёрный котёнок» пользуются большим спросом у читателей.

Текст 6.1

(1) Меня ждали шестнадцать лет... (2) Ужасно быть поздним ребёнком! (3) Я стал драгоценным подарком, как чашка, которая, нарядная и чистая, стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай. (4) Позднего ребёнка ждут не дождутся и, когда наконец дожидаются, начинают проявлять к нему такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать на край света.

(5) Говоря по-честному, гордостью нашей семьи должна быть сестра Людмила: она кандидат наук, работает в архитектурной мастерской. (6) А гордятся все в доме мной. (7) Это несправедливо.

(8) Чтобы замаскировать эту несправедливость, отец хвалит меня как бы в шутку. (9) Даже за тройки, принесённые из школы, меня не ругают.

– (10) Вот ведь способный какой, а! (11) Совсем вчера не учил уроков, у телевизора сидел, а на тройку ответил!

(12) Частенько отец просит меня напомнить ему содержание кинокартины или книги, которую мы оба читали.

– (13) Какая диковинная память, а! – радостно говорит он. – (14) Всё помнит, будто вчера читал... (15) А я вот всё позабыл, всё перепутал!

(16) Мне кажется, отец просто счастлив, что он всё забывает и путает.

(17) На следующий день, после того как я смазал по физиономии Костику, отец сказал:

– (18) Драться, конечно, нехорошо. (19) А всё-таки смелый какой, а! (20) Ниже на две головы, а пошёл в наступление, решился! (21) Такой в огне не сгорит и в воде не утонет!

(22) Вот до чего доводит любовь!

(23) А мне вовсе не нравится, что дома меня все восхваляют. (24) Трудно разве ответить на тройку? (25) Или запомнить содержание книги? (26) Кретин я, что ли, какой? (27) И почему надо особенно радоваться, что я «на целых две головы» ниже Костики? (28) Хотя на самом деле всего на полголовы.

(29) Отец и мама, мне кажется, очень довольны, что я невысокий. (30) Они-то ведь ждали ребёнка и хотят, чтоб я на всю жизнь им остался. (31) Но я не хочу!

(32) Как-то я услышал по радио, что, если в семье несколько детей, нехорошо одного из них выделять. (33) Я сказал об этом родителям.

– (34) Другой бы гордился, что его выделяют, а этот думает о сестре. (35) Какой добрый, а! – воскликнул отец.

– (36) Значит, любовь и забота не сделали тебя эгоистом, – заключила мама. – (37) Мы очень рады.

(38) Вот вам и всё! (39) Они очень рады. (40) А я?..

(По А.А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.*

Текст 6.2

(1)Софья, Лена и Катя были неразлучны с детского сада. (2)Вместе пошли в школу и вместе её закончили: Софья и Лена – безупречными гламурочками с натянутыми «за красивые глаза» тройками по физике и математике, Катя – с золотой медалью, добрым десятком кило лишнего веса и неистребимым стремлением во всём походить на своих стильных подружек. (3)А потом, всё так же вместе, поступили в университет, только на разные специальности. (4)У Лены и Софьи был целый табун поклонников и приличные шансы на звёздную карьеру в модельном бизнесе, так что ходили они на лекции исключительно для демонстрации новых нарядов. (5)Катя им твердила, что их наверняка отчислят, если они не займутся учёбой, но подружки только смеялись ей в ответ.

(6)Но однажды Софье приснилось, что они стали куклами в игрушечном отделе «Детского мира». (7)На Катю был наклеен ценник с весьма скромной суммой – под стать её неказистому внешнему виду, за Софью и Леночку просили куда больше.

(8)Так они и стали теперь жить – по-королевски наряженными пленницами стеклянных витрин и искусно раскрашенных целлулоидных коробок.

(9)И в один прекрасный день их купили в подарок девочке Маше.

(10)Ночью, когда их новая хозяйка заснула, Лена и Софья стали обсуждать свою новую жизнь.

– (11)Знаешь, Лен, – сказала Софья, – мы привыкли считать самым главным внешность и наряды – и теперь мы куклы. (12)Наверное, это даже правильно.

– (13)А Катя? – робко спрашивает Лена.

– (14)Катя никогда и не была такой, как мы. (15)Она интересовалась тряпками, но лишь потому, что мы с тобой без них жить не могли. (16)Ты видишь, как девочка любит Катю: она её из рук почти не выпускает, и ложится спать, и ест вместе с ней, а мы с тобой день и ночь скучаем на тумбочке. (17)И знаешь что, Лен? (18)Мне, конечно, очень хочется быть на её месте. (19)Но раз уж это невозможно, пусть хотя бы у Кати будет всё хорошо.

(20)Подруги молча смотрят на кровать.

(21)Машенька сопит в обнимку с куклой, часы неумоимо режут вечность на ломтики.

(22)Елена и Софья не замечают, что лежащая на подушке Катя изо всех сил пытается приподнять руку, и ей наконец это удаётся. (23)Она неловко отводит с лица девочки непослушную прядь, нежно гладит её по щеке и что-то шепчет в аккуратное ушко.

(24)Девочка вздрагивает, приоткрывает один глаз и, не глядя, сгребает всех кукол с тумбочки.

(25)Уютно устроившись в коконе из одеял, Лена и Соня мгновенно засыпают в тёплом кольце хозяйских рук, и им снится первый за эту жизнь сон. (26)Им снится, что их любят – не за что-то, а просто потому, что они есть.

(По И.А. Клеандровой)*

* *Клеандрова Ирина Александровна* (род. в 1981 г.) – современная российская писательница.

Текст 6.3

(1)Как-то в начале июня зашёл к Поликарповне человек и попросил сдать комнату на лето.
 (2)Он, не торгуясь, заплатил тридцать рублей.

(3)Звали его Трифоном Петровичем. (4)Он был какой-то уютный, весёлый и простой человек, и хозяйка с первого же дня привыкла к нему, как к своему.

(5)Один раз, походив около бревенчатого домика, Трифон Петрович сказал, потирая руки:

– (6)Дай-ка я поправлю тебе, бабушка, крыльцо.

– (7)Спасибо, родимый, – сказала Поликарповна, – только чудно мне что-то: пришёл, снял комнату, даже не поторговался, а теперь ты крыльцом моим занимаешься, будто и не чужие мы люди.

– (8)А что ж, Поликарповна, неужто всё только на деньги считать?

(9)Я вот тебе поправлю, а ты потом вспомнишь обо мне добрым словом, вот мы, как говорится, и квиты, – сказал он и засмеялся.

– (10)Теперь, милый, такой народ пошёл, что задаром никто рукой не пошевелит. (11)О душе теперь не думают, только для брюха и живут. (12)Да смотрят, как бы что друг у дружки из рук вырвать, как бы выгоду свою не упустить.

– (13)Ну, нам с тобой делить нечего, – отвечал Трифон Петрович, улыбаясь.

– (14)Прямо с тобой душа отошла, – говорила Поликарповна, – а то уж в людей вера пропадать стала.

– (15)Вера в человека – это самая большая вещь, – отзывался Трифон Петрович. – (16)Когда эта вера пропадёт, тогда жить нельзя.

(17)Один раз вернулся Трифон Петрович из города весёлый и сказал:

– (18)Я там в городе всем порассказал, как тут у вас хорошо: теперь хозяйки не отобьются от постояльцев, у меня рука лёгкая.

(19)Начиная с воскресенья в деревню стали приезжать всё новые и новые дачники.

(20)Хозяйка охватила лихорадка наживы, и цены поднялись втрое, а так как народ всё ехал, то стали уж хапать без всякой совести.

(21)Как-то зашла к Поликарповне соседка. (22)За разговором невзначай поинтересовалась, за сколько та сдаёт жильё, а услышав ответ, удивлённо раскрыла глаза:

– (23)Да ты, бабка, спятила совсем! (24)У меня есть один, он у тебя с руками за сто оторвёт.

(25)Теперь по полтораста берут, по двести!

– (26)Как по двести?.. – спросила едва слышным голосом Поликарповна. (27)У неё почему-то пропал вдруг голос. – (28)Да ведь раньше все дешёво брали...

– (29)Мало что раньше! (30)Тогда народу совсем не было, а теперь от него отбоя нет. (31)Вот что я тебе скажу: из-за чужого человека ты хорошую цену упускаешь, ежели ты его не выставишь, потом ты горько пожалеешь! (32)Ну что, договариваться с новым постояльцем?

(33)Старушка горестно, озабоченно смотрела в сторону, прищуриив глаза, потом изменившимся голосом торопливо проговорила:

– (34)Решено! (35)Договаривайся...

(По П.С. Романову)*

* *Романов Пантелеймон Сергеевич (1884–1938) – русский писатель. Прозе Романова свойственны лиризм и юмор, мастерство диалога, ясный, реалистический язык.*

Текст 6.4

(1)По дому плавали запахи и крики. (2)Надежда накрывала стол и ругалась с Оксаной, которая находилась в ванной и отвечала через стену. (3)Слов не было слышно, но Корольков улавливал смысл конфликта. (4)Конфликт состоял в том, что Надежда хотела сидеть за столом вместе с молодёжью, а Оксана именно этого не хотела и приводила в пример других матерей, которые не только не сидят за столом, но даже уходят из дома. (5)Надежда кричала, что она потратила неделю на приготовление праздничного стола и всю прошлую жизнь на воспитание Оксаны и не намерена сидеть на кухне, как прислуга. (6)Корольков лежал у себя в комнате на диване и думал о том, что Оксана не умеет разговаривать с матерью, а Надежда – с дочерью. (7)Она командует, унижая её. (8)И они зажигаются друг о друга, как спичка о коробок. (9)Корольков знал по себе: от него тоже можно чего-то добиться только лестью. (10)Лесть как бы приподнимала его возможности, и он стремился поднять себя до этого нового и приятного ему предела.

(11)Отворилась дверь, и вошла Оксана в длинной новой кофте в стиле «ретро», или, как она называла, «ретрухи».

– (12)Пап, ну скажи ей, – громко пожаловалась Оксана. – (13)Чего она мне нервы мотает?

– (14)Как ты разговариваешь с матерью? – одёрнул Корольков.

– (15)Ну, пап. (16)Ну, чего она сядет с нами? (17)Я всё время буду в напряжёнке. (18)Она вечно что-нибудь ляпнет, и всем неудобно...

– (19)Что значит «ляпнет»?

– (20)Ну, не ляпнет. (21)Произнесёт гост за мир во всём мире. (22)Или начнёт обращать на меня внимание... (23)Или начнёт всем накладывать на тарелки, как будто голод...

– (24)Довольно-таки противно тебя слушать, – объявил Корольков. – (25)Ты говоришь, как законченная эгоистка.

– (26)Но ведь мой день рождения. (27)Мне же шестнадцать лет. (28)Почему в этот день нельзя сделать так, как я хочу?

(29)Корольков посмотрел с тоской на её чистенькое новенькое личико с новенькими ярко-белыми зубами и подумал, что её перелюбили в детстве и теперь придётся жать то, что посеяли. (30)Он понимал, что нужен был дочери не тогда, когда носил её на руках и посещал в оздоровительном детском лагере. (31)А именно теперь, в шестнадцать лет, когда закладывается фундамент всей дальнейшей жизни. (32)И не амбулаторно, как говорят врачи, – пришёл, ушёл. (33)А стационарно. (34)Каждый день. (35)Чтобы не пропустить возможных осложнений. (36)А осложнения, как он понимал, неизбежны.

(37)Позвонили в дверь. (38)Оксану как ветром сдуло вместе с её неудовольствием, и через секунду послышался её голос – тугой и звонкий, как струя, пущенная под напором. (39)С ней было всё в порядке. (40)Впереди праздник, и жизнь – как праздник. (По В. Токаревой)*

* Токарева Виктория Самойловна (род. в 1937 г.) – современный российский прозаик и сценарист.

Текст 6.5

(1)В командировки мама и отец ездили очень часто: они вместе проектировали заводы, которые строились где-то очень далеко от нашего города. (2)Я оставался с бабушкой – маминой мамой.

(3)В неблагополучных семьях родители, уехав из дому, вообще не присылают писем, в благополучных пишут примерно раз или два в неделю – мы с бабушкой получали письма каждый день. (4)Мои родители соблюдали строгую очерёдность: одно письмо – от отца, другое – от мамы. (5)Порядок ни разу не нарушился. (6)В конце письма неизменно стояла дата, а чуть пониже было написано: «8 часов утра». (7)Значит, отец и мама писали после своей утренней пробежки и перед работой.

– (8)Фантастика! – сказала однажды бабушка. – (9)Хоть бы раз перепутали очередь!..

(10)Я не мог понять: восторгается она моими родителями или в чём-то их упрекает? (11)Это было отличительной бабушкиной чертой: по её тону часто нельзя было определить, шутит она или говорит всерьёз, хвалит или высмеивает. (12)Я-то восхищался ими, поскольку мы часто восхищаемся поступками, на которые сами не способны.

(13)Конечно, бабушка была счастлива за свою дочь, гордилась её мужем, то есть моим отцом, но она, как и я, редко следовала тем правилам, к которым нас с ней стремились приучить.

(14)Например, мама и отец старались закалить нас. (15)Но мы с бабушкой не желали обливаться ледяной водой и вставать по воскресеньям ещё раньше, чем в будни, чтобы идти на лыжах или в поход. (16)Мы сознавали, что нечётко делаем гимнастику.

(17)Вообще, мои родители то и дело обвиняли нас обоих в нечёткости: мы нечётко сообщали, кто и когда звонил маме или отцу по телефону, нечётко соблюдали режим дня.

(18)Проводив маму с отцом в очередную командировку, мы с бабушкой тут же, как заговорщики, собирались на экстренный совет. (19)Невысокая, сухонькая, с коротко подстриженными волосами, бабушка напоминала озорного мальчишку. (20)А этот мальчишка, как говорили, сильно смахивал на меня. (21)И не только внешне.

– (22)Ну-с, сколько денег откладываем на кино? – спрашивала бабушка.

– (23)Побольше! – говорил я.

(24)И бабушка, любившая ходить в кино, как и я, откладывала побольше, а деньги потом экономились на обедах.

(25)По мнению родителей, мы с бабушкой поступали неразумно и были неправильными людьми, и это нас объединяло.

(По А.А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.

Текст 6.6

(1)В дверь позвонили. (2)Из прихожей донеслись оживлённые голоса и смех. (3)Появились гости. (4)Солидные, хорошо одетые люди здоровались с хозяевами, подходили к столу, накладывали в тарелки закуску. (5)Дамы располагались в удобных мягких креслах; мужчины, образовав группки, беседовали друг с другом. (6)Семён Петрович поднял меня с места и представил гостям:

– (7)Вот Иван, самый большой оригинал из всех друзей моей дочери.

(8)Неожиданно попав в центр внимания, я был сильно смущён и, кажется, покраснел.

(9)Гости заулыбались, с любопытством оглядывая меня, словно ожидая, что я немедленно докажу справедливость слов профессора.

(10)Он хлопнул меня по плечу:

– (11)Да, молодёжь нынче любопытная. (12)С ней надо говорить, надо общаться!

(13)Одна интересная дама повернулась ко мне:

– (14)Вот скажите мне, Ваня. (15)У меня дочь пятнадцати лет, и она целыми днями слушает какой-то визг. (16)У нас роскошная библиотека, большая, с редкими книгами, но она ничегошеньки не хочет. (17)Придёт из школы, кое-как уроки сделает, включит магнитофон и слушает до вечера.

– (18)Это у них называется «балдеет», – радостно сообщил один из гостей.

– (19)Дух противоречия, – убеждённо сказал другой.

– (20)А по-моему, – заявил подтянутый мужчина, – всё дело в избалованности.

(21)Нынешние молодые люди живут как-то слишком легко, без трудностей.

– (22)О-о, это старая песня, – засмеялась дама. – (23)Получается, что если нам было тяжело, то пусть и им будет так же? (24)Глупо!

– (25)Наверное, глупо, – согласился подтянутый. (26)Он хотел что-то добавить, но замешкался.

(27)Семён Петрович решил переменить тему:

– (28)Я надеюсь, что вы не будете против, если моя дочь что-нибудь споёт?

– (29)Это будет прекрасно, – томно сказала пожилая дама.

(30)Семён Петрович повернулся к Кате, не замечая её угрюмого взгляда:

– (31)Катюша, давай-ка «Соловья» алябьевского...

– (32)Значит, «Соловья»? – спросила Катя.

(33)Она мягко коснулась пальцами клавиш – нежно зазвучало вступление. (34)Катя запела тоненьким голоском:

– (35)Соловей мой, соловей,

Чтоб ты сдох, Бармалей!..

– (36)Что? – растерянно пробормотала мама.

(37)Катя перестала играть и повернула к нам разгорячённое лицо:

– (38)Я этого «Соловья» с пяти лет пою. (39)К нам гости – тут я со своим «Соловьём»! (40)Я, если б он мне попался, этот соловей, его на медленном огне изжарила бы!..

(41)Оторопевшие гости не могли вымолвить ни слова. (По К.Г. Шахназарову)*

* *Шахназаров Карен Георгиевич* (род. в 1952 г.) – советский и российский кинорежиссёр, сценарист, продюсер.

Текст 7.1

(1)Прежде чем увидеть Наилю, я услышал её голос. (2)Он поразил меня, заставил сердце биться чаще, чем обычно. (3)У всех людей в голосе звучит одна струна, а в её голосе как бы слышались две: одна звучала низко, густо, а другая – высоко, тонко. (4)Эти нежные струны то звучали порознь, то перемежались, то сливались и звучали вместе едва заметной дрожью. (5)Самые простые слова, когда она их произносила, менялись в своём значении, и казалось, что вообще слышишь их в первый раз. (6)Голос обновлял слова, наполнял теплом.

(7)Я услышал голос Наили и представил себе её: волосы должны быть тёмными, глаза – с угольками в середине, губы – чуть припухшие, с едва заметными трещинками от воды и ветра. (8)Вместе с её голосом до меня долетало её дыхание, похожее на шелест листвы, когда пахнёт ветер. (9)Когда голос её умолкал, я боялся, что он не зазвучит снова – воспарит и умчится, как птица. (10)Мне хотелось, чтоб он звучал вечно и никто, кроме меня, его не слышал бы.

(11)Она сидела на прибрежном песке, поджав ноги и упершись подбородком в колени. (12)Она сидела неподвижно, может быть, даже уснула. (13)Я сделал большой круг, обошёл её, чтобы посмотреть, не спит ли она. (14)Её глаза так сосредоточенно смотрели в одну точку, что я подумал: она видит сон с открытыми глазами.

(15)У неё были тёмные глаза и, когда Наилия щурилась, становились совсем чёрными. (16)Когда же солнце не светило в лицо и она открывала глаза широко, вся чернота собиралась в маленькие точки. (17)Глаза её блестели, как от слёз, хотя она не плакала.

(18)И вдруг она оторвалась от своего сна, подняла глаза и сказала:

– (19)А я тебя знаю.

– (20)Ты меня знаешь? – (21)Я хотел закричать от радости, совершить что-то немыслимое.

– (22)Мы же учимся в одной школе. (23)Разве ты меня не видел?

– (24)Не видел!

– (25)Какой ты невнимательный, – сказала она.

– (26)Я слышал твой голос... (27)Я услышал твой голос, – сказал я.

– (28)Ты узнал меня по голосу?

– (29)Нет, другое... (30)Я хотел узнать тебя из-за голоса.

– (31)Тебе понравился мой голос?

(32)Понравился! (33)Это было не то слово. (34)Этот голос полностью захватил власть надо мной!

(35)И вдруг я сказал:

– (36)Ты можешь прочитать наизусть таблицу умножения?

(37)Моя неожиданная просьба застала её врасплох.

– (38)Смеёшься?

– (39)Нет, серьёзно. (40)Я буду слушать твой голос.

(41)Наилия посмотрела на меня пристально, покачала головой. (42)Она не могла понять, а я не мог объяснить ей, что её голос менял значение слов и самые обыкновенные слова звучали как только что рождённые. (43)И таблица умножения превращалась в стихи. (По Ю.Я. Яковлеву)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 7.2

- (1) После уроков девочки возвращались домой все вместе.
 – (2) Катя, ну расскажи, пожалуйста, как там Антуан? – дёрнула Дронову за рукав Аллочка Любимова.
 – (3) Пока... никак, – вынуждена была признаться та. – (4) Но ведь это только начало!
 – (5) Вы, девчонки, совсем помешались на Антуане, – рассмеялась Оля Авласович.
 – (6) Антуан сказал, Антуан посмотрел... (7) Как ненормальные, честное слово, будто на нём свет клином сошёлся!
 – (8) Можно подумать, тебе Клюшев не нравится! – насмешливо сказала Таня.
 – (9) Нисколечко! (10) А тебе? – лукаво посмотрела на неё Оля.
 (11) Таня внутренне вздрогнула, но опять вовремя совладала с собой и ответила:
 – (12) Да так, с ума не схожу, как некоторые... – (13) И она с лёгким презрением посмотрела на Аллочку.
 (14) Любимова дёрнула плечиком, но оправдываться не стала.
 – (15) А мне-то как «повезло», – расстроенным голосом пожаловалась Лена Прижнюк.
 – (16) От этого Рябы с ума сойти можно.
 – (17) Скажи «спасибо», что тебя с Козликом не посадили, – усмехнулась Таня, и все девочки дружно рассмеялись.
 (18) Дома Таня первым делом подошла к зеркалу. (19) Нет, она не изменилась. (20) Почти не изменилась. (21) Во всяком случае, она не хуже, но и не лучше прежнего. (22) Немного выросла по сравнению с прошлым годом, но во всём остальном особенных перемен в ней нет. (23) Она всё такая же худощавая, бледная, с прямыми скользкими непослушными волосами, которые не может удержать ни одна резинка, ни одна заколка или завязанная лента. (24) Мама без конца предлагает дочери постричься, чтобы ей было легче и голова выглядела аккуратней, но Тане не хочется. (25) Если снять с волос резинку, то они очень красиво рассыпаются по плечам и блестят.
 (26) Таня вытащила из ящика письменного стола толстую тетрадь с Ди Каприо на обложке и на первом чистом листе вывела красивыми буквами: «Таня Осокина. 7 „А”». (27) Потом подумала немножко и на внутренней стороне обложки написала то, без чего ни одна девчоночья анкета никем анкетой признана не будет:
*На «О» моя фамилия,
 На «Т» меня зовут,
 На «Л» подруга милая,
 На «...» мой лучший друг.*
 (28) После этого замечательного стихотворения Таня на самом верху следующего чистого листа написала: «Напиши мне письмо, если тебе понятен этот адрес: Ревнующая область, Страдающий район, город Любовь, улица Влюблённых, дом Тоскующих, квартира Счастливейших».
 (29) Интересно, догадается ли один человек, что Таня ждёт послание именно от него?
 (30) Если не догадается, то может проявить себя на следующей странице. (31) На самом её верху она написала следующее: «Кто считает меня своим другом, может вписать первую букву своего имени в стихотворение на обложке». (32) Таня представила, как один человек вписывает эту букву, и ей сделалось жарко.
 (По С.А. Лубенец)*

* Лубенец Светлана Анатольевна – современная детская писательница из Санкт-Петербурга, пишет книги о подростках, взаимоотношениях между ними, самых обыкновенных и не совсем обычных ребятах. Её серии «Только для девчонок», «Только для мальчишек», «Чёрный котёнок» пользуются большим спросом у читателей.

Текст 7.3

(1)У дверей стояло трое ребятешек: две девочки и мальчик. (2)Дед догадался, что они одноклассники внука.

– (3)Андрей Лысов тут живёт? – спросила полноватая девочка.

– (4)Тут, – признался дед.

– (5)Мы пришли высказать ему осуждение, – продолжила девочка.

(6)Дед и внук стояли рядом и на сто процентов были роднёй: круглолицые, голубоглазые.

(7)Наверное, поэтому часть Андрейкиной вины само собой переходила на деда.

– (8)У нас в дневнике всё записано, – сказала толстуха и передала тетрадку Александру Клавдиевичу.

– (9)«Дёргал Аллу Иванову за волосы», – грустно прочитал дед.

– (10)А ещё, когда Иванова заплакала, он обозвал её мокрой цаплей, а извиняться не стал, – сказал мальчик.

(11)Когда ребята ушли, дед обратился к внуку:

– (12)Так зачем же ты эту Аллу за косу дёргал?

– (13)Так просто, – буркнул мальчик.

– (14)А я вот знаю и зачем, и почему! (15)Она тебе нравится, а на тебя, противного троечника, внимания не обращает. (16)Так, что ли?

(17)Сломленный дедовой пронительностью, внук заговорил:

– (18)Мы же раньше с ней дружили! (19)А теперь она всё: Толик да Толик. (20)Я раньше её дёрну – она меня книжкой – хлоп! (21)И обоим смешно! (22)А сейчас чуть-чуть тронешь – как плакса плачет...

(23)Дед слушал его внимательно, прищутив глаза.

– (24)Извиняться тебе перед ней придётся, и так, чтобы это отложилось в садовой твоей голове надолго. (25)Мы сейчас идём к ней, ты извиняешься и даришь ей цветы, а иначе миру между нами не бывать.

(26)Миром с дедом внук дорожил, и поэтому он понял, что не миновать ему ни извинения, ни цветов.

(27)В его голове плохо запечатлелось, как в магазине они купили пахнущие горелой листвой и снегом астры, как брели по осеннему парку прямо к Алкиному дому.

(28)Перед выходом из парка дед остановился, они сели на скамейку.

– (29)Небось, никогда девчонкам цветы не дарил? (30)Ты хоть посмотри, что даришь.

– (31)Чего смотреть, на болонку похожи, – убитым тоном сказал внук.

– (32)Нет, болонка – собака глупая и трусливая, а эти чистые, гордые, как изо льда, и ведь смелые, до самого снега на клумбах стоят.

(33)Мальчик взглянул на цветы и подумал: «И правда, какие чистые... ледянистые...»

(34)Вся встреча с Алкой Ивановой пронеслась в смятенной душе Андрейки, словно вихрь. (35)Уже перед самой дверью он рванулся было, чтобы котёнком прыснуть вниз. (36)Но дед кратко сказал: «Не трусь!» – и поставил его рядом с собой.

(37)Дверь открыла Алла. (38)Андрейка кое-как проямлил извинения и сунул в руки потрясённой Алки астры:

– (39)Это тебе... эти ледянистые...

(40)Алка ничего ему не ответила, осторожно взяла цветы, словно они впрямь были изо льда и могли разбиться, и вдруг астры отразились в её милых от удивления девчоночьих глазах.

(По В.И. Одноралову)*

* Одноралов Владимир Иванович (род. в 1946 г.) – оренбургский поэт, прозаик, публицист и детский писатель.

Текст 8.1

(1)Толя осени не любил. (2)Не любил за то, что опадали листья и «реже солнышко блистало», а больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

(3)Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных дорожках, а дождь заколачивал и заколачивал что-то в крышу... (4)Но мама не удерживала Толю дома, а даже поторавливала. (5)И Толя почувствовал, что теперь он совсем большой: папа тоже ходил на работу в любую погоду!

(6)Мама вынула из шкафа зонтик и белый плащ, который Толя тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

– (7)Ты куда? – удивился Толя.

– (8)Тебя провожу.

– (9)Меня... провожать? (10)Что ты?

(11)Мама вздохнула и положила приготовленные вещи обратно в шкаф.

(12)Толе очень нравилось бежать в школу под дождём. (13)Один раз он обернулся и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. (14)На улице было много плащей и зонтиков, но маму он узнал сразу. (15)А она, заметив, что Толя обернулся, спряталась за углом старого двухэтажного дома.

(16)«Прячется!» – сердито подумал Толя. (17)И побежал ещё быстрее, чтоб мама не вздумала догнать его.

(18)Возле самой школы он обернулся ещё раз, но мамы уже не было.

(19)«Вернулась», – с облегчением подумал он.

(20)На торжественной линейке ученики строились по классам. (21)Молодая учительница проворно смахивала с лица мокрые прядки волос и кричала:

– (22)Первый «В»! (23)Первый «В»!

(24)Толя знал, что первый «В» – это он. (25)Учительница повела ребят на четвёртый этаж.

(26)Ещё дома Толя решил, что ни за что не сядет за парту с девчонкой. (27)Но учительница, словно шутя, спросила его:

– (28)Ты, наверное, хочешь сесть с Черновой, да?

(29)И Толе показалось, будто он и правда всегда мечтал сидеть рядом с Черновой.

(30)Учительница раскрыла журнал и начала переключку. (31)После переключки она сказала:

– (32)Орлов, прикрой, пожалуйста, окно.

(33)Толя сразу вскочил и подошёл к окну, но дотянуться до ручки ему было нелегко. (34)Он приподнялся и вдруг замер на цыпочках: за окном он неожиданно увидел маму. (35)Она стояла, держа в руках сложенный зонтик, не обращая внимания на дождь, который стекал с плаща, и медленно водила глазами по окнам школы: мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит её Толя.

(36)И тут он не смог рассердиться. (37)Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу, помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть:

– (38)Не волнуйся! (39)Не волнуйся, мамочка... (40)Всё хорошо! (41)Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается. (По А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич* (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.

Текст 8.2

(1) Однажды в начале октября, рано утром, уходя в гимназию, я забыл ещё с вечера приготовленный матерью конверт с деньгами. (2) Их нужно было внести за обучение в первом полугодии.

(3) Когда началась большая перемена, когда всех нас по случаю холодной, но сухой и солнечной погоды выпускали во двор и на нижней площадке лестницы я увидел мать, только тогда я вспомнил про конверт и понял, что она, видно, не стерпела и принесла его сама.

(4) Мать, однако, стояла в сторонке в своей облысевшей шубёнке, в смешном капоре, под которым висели седые волосики, и с заметным волнением, как-то ещё более усиливавшим её жалкую внешность, беспомощно вглядывалась в бегущую мимо ораву гимназистов, которые, смеясь, на неё оглядывались и что-то друг другу говорили.

(5) Приблизившись, я приостановился и хотел было незаметно проскочить, но мать, увидев меня и сразу засветясь ласковой улыбкой, помахала рукой, и я, хоть мне и было ужасно стыдно перед товарищами, подошёл к ней.

– (6) Вадичка, мальчик, – старчески глухо заговорила она, протягивая мне оставленный дома конверт и жёлтенькой ручкой боязливо, словно она жглась, прикасаясь к пуговице моей шинели, – ты забыл деньги, а я думаю – испугается, так вот – принесла.

(7) Сказав это, она посмотрела на меня, будто просила милостыни, но, в ярости за причинённый мне позор, я ненавидящим шёпотом возразил, что нежности телячьи эти нам не ко двору, что уж коли деньги принесла, так пусть сама и платит.

(8) Мать стояла тихо, слушала молча, виновато и горестно опустив старые свои ласковые глаза. (9) Я сбежал по уже опустевшей лестнице и, открывая тугую, шумно сосущую воздух дверь, оглянулся и посмотрел на мать. (10) Но сделал я это не потому вовсе, что мне стало её сколько-нибудь жаль, а всего лишь из боязни, что она в столь неподходящем месте расплачется.

(11) Мать всё так же стояла на площадке и, печально склонив голову, смотрела мне вслед. (12) Заметив, что я смотрю на неё, она помахала мне рукой с конвертом так, как это делают на вокзале, и это движение, такое молодое и бодрое, только ещё больше показало, какая она старая, оборванная и жалкая.

(13) На дворе ко мне подошли несколько товарищей и один спросил, что это за шут гороховый в юбке, с которым я только что беседовал. (14) Я, весело смеясь, ответил, что это обнищавшая гувернантка и что пришла она ко мне с письменными рекомендациями.

(15) Когда же, уплатив деньги, мать вышла и, ни на кого не глядя, сгорбившись, словно стараясь стать ещё меньше, быстро постукивая стоптанными, совсем кривыми каблучками, прошла по асфальтовой дорожке к железным воротам, я почувствовал, что у меня болит за неё сердце.

(16) Боль эта, которая столь горячо обожгла меня в первое мгновение, длилась, однако, весьма недолго.

(По М. Агееву)*

* *Михаил Агеев (Марк Лазаревич Леви) (1898–1973) – русский писатель.*

Текст 8.3

(1)Никто, как мать, не умеет так глубоко скрывать свои страдания и муки. (2)И никто, как дети, не умеет так хладнокровно не замечать того, что происходит с матерью. (3)Она не жалуется, значит, ей хорошо.

(4)Я никогда не видел слёз своей матери. (5)Ни разу в моём присутствии её глаза не увлажнились, ни разу она не пожаловалась мне на жизнь, на боль. (6)Я не знал, что это было милосердием, которое она оказывала мне.

(7)В детстве мы легко принимаем от матери жертвы, всё время требуем жертв. (8)А то, что это жестоко, узнаём позже – от своих детей.

(9)«Золотые дни» не вечны, на смену им приходят «суровые дни», когда мы начинаем чувствовать себя самостоятельными и постепенно удаляемся от мамы. (10)И вот уже нет прекрасной дамы и маленького рыцаря, а если он и есть, то у него другая прекрасная дама – с косичками, с капризно надутыми губами, с кляксой на платье...

(11)В один из «суровых дней» я пришёл из школы голодный и усталый. (12)Швырнул портфель. (13)Разделся. (14)И сразу за стол. (15)На тарелке лежал розовый кружок колбасы. (16)Я съел его мгновенно. (17)Он растаял во рту. (18)Его как бы и не было. (19)Я сказал:

– (20)Мало. (21)Хочу ещё.

– (22)Мама промолчала. (23)Я повторил свою просьбу. (24)Она подошла к окну и, не оглядываясь, тихо сказала:

– (25)Больше нет... колбасы.

(26)Я встал из-за стола, не сказав «спасибо». (27)Мало! (28)Я шумно ходил по комнате, грохотал стульями, а мама всё стояла у окна. (29)Я подумал, что она, наверное, разглядывает что-то, и тоже подошёл к окну. (30)Но ничего не увидел. (31)Я хлопнул дверью – мало! – и ушёл.

(32)Нет ничего более жестокого, чем просить у матери хлеба, когда его у неё нет. (33)И негде взять. (34)И она уже отдала тебе свой кусок... (35)Тогда можно рассердиться и хлопнуть дверью. (36)Но пройдут годы, и стыд настигнет тебя. (37)И тебе станет мучительно больно от своей жестокой несправедливости.

(38)Ты будешь думать о дне своего позора даже после смерти матери, и эта мысль, как незаживающая рана, будет то затихать, то пробуждаться. (39)Ты будешь находиться под её тяжёлой властью и, оглядываясь, скажешь: «Прости!» (40)Нет ответа.

(41)Некому прошептать милосердное слово «прощаю».

(42)Когда мама стояла у окна, её плечи слегка вздрагивали от беззвучных слёз. (43)Но я этого не заметил. (44)Я не заметил грязных своих апрельских следов на полу, не расслышал хлопнувшей двери.

(45)Теперь я всё вижу и слышу. (46)Время всё отдаляет, но оно приблизило ко мне и этот день, и многие другие дни. (47)Во мне накопилось много слов. (48)Они распирают мне грудь, стучат в висок. (49)Они рвутся наружу, на свет, на бумагу.

(50)Прости меня, родная!

(По Ю.Я. Яковлеву)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 8.4

(1)Мы задержались в школе, и, когда вышли на улицу, уже смеркалось. (2)Снегу навалило до половины валенка. (3)Я забеспокоился, зная, как жестоки наши степные сибирские метели, какие беды они могут принести.

(4)И скоро началось то, чего я опасался. (5)Снежинки вдруг закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран. (6)Узенькую дорожку, которая вела в наше село, то и дело засыпало снегом, а потом она и совсем пропала. (7)Будто из-под ног её украл кто-то очень недобрый.

(8)Я испугался и не знал, что делать дальше. (9)Ветер свистел на все лады, чудились волки. (10)И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери: «Не бойся, тебе надо зарыться в снег». (11)Я так отчётливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении...

(12)Мы вырыли пещерку и всю ночь просидели, рассказывая друг другу разные истории. (13)А утром, пробив дыру на свободу, мы отправились домой.

(14)Открыв дверь, я бросился к маме. (15)Бросился и – что было, то было – заплакал.

– (16)Да о чём ты? (17)Переобувайся да живо за стол, – сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

(18)Приехал отец. (19)Он хвалил меня, обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. (20)Он удивлялся моей находчивости. (21)А мать?.. (22)Мать сказала: «Парню тринадцатый год, и странно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас».

(23)Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. (24)Мать ушла на станцию, к фельдшеру. (25)Сказала, что угорела – болит голова. (26)С бабушкой мне всегда было легко и просто. (27)Я спросил её: «Бабушка, хоть ты скажи мне правду: почему мать не пожалела меня? (28)Неужели я в самом деле такой нестоящий?»

– (29)Дурень ты, больше никто! – ответила бабушка. – (30)Мать всю ночь не спала, редела, как умалишённая, с собакой по степи тебя искала, колени обморозила... (31)Только ты ей, смотри, об этом ни гугу!

(32)Вскоре вернулась мать. (33)Она сказала бабушке: «Фельдшер дал порошки от головы. (34)Говорит, чепуха, скоро пройдёт».

(35)Я бросился к матери и обнял её ноги. (36)Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. (37)Но я даже не подал виду. (38)Я никогда ещё не был так ласков с нею. (39)Я никогда ещё так не любил свою мать. (40)Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки. (41)А она погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. (42)Видимо, стоять ей было трудно.

(43)Так растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. (44)Далеко смотрела она. (45)И худого из этого не получилось. (46)Мой брат теперь дважды Герой. (47)И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настрого наказано как можно меньше говорить о себе.

(По Е.А. Пермяку)*

* *Пермяк Евгений Андреевич* (настоящая фамилия – *Виссов*) (1902–1982) – русский советский писатель.

Текст 8.5

(1)Все мамы разные: молодые, красивые, седые и уставшие, добрые и строгие. (2)Но до самой старости они остаются для нас всё теми же мамами. (3)Ведь и взрослому человеку, так же как и ребёнку, нужен мамин совет. (4)Только мама, невзирая ни на что, поддержит в любых хороших начинаниях, а иногда и выручит в трудную минуту, простит тебе любую ошибку и неудачу, грубое слово и непонимание. (5)Только вздохнёт тихонько, смахнёт украдкой слезу с грустных глаз и... простит тебя.

(6)Ведь сердце матери бездонно. (7)Ведь сердце матери способно простить тебе всё на свете. (8)Вдруг вспомнилось стихотворение Дмитрия Кедрина о том, как сын, вырвав сердце матери, понёс его жестокой возлюбленной. (9)Нелёгко был его путь, на скользком пороге он оступился и упал. (10)И в этот момент услышал, как сердце спросило: «Не ушибся, сынок?» (11)Мама простила предательство сына и его жестокость, потому что не может она иначе...

(12)А руки матери... (13)Вы задумывались когда-нибудь, как много делают для вас мамы руки, как натружены они, как беспокойны – добрые, нежные, сильные и заботливые мамы руки. (14)Они самое первое, что мы почувствовали в жизни, когда пришли в этот новый, незнакомый и удивительный мир. (15)Они прижали нас к груди, защитив от невзгод и тревог. (16)Мамина ладошка коснётся твоих волос, потреплет их игриво, и вот ушли все неприятности и огорчения, как будто мама отвела их от тебя своей материнской рукой. (17)Самое дорогое сокровище, самая большая ценность в нашей жизни – руки нашей мамы! (18)Взявшие на себя всю боль и холод, все раны и удары жизни, все тяжести и непогоды – всё то, что ограждает нас от невзгод и позволяет быть счастливыми.

(19)К сожалению, мы редко задумываемся о том, сколько времени и сил, сколько труда и здоровья, сколько ласки и заботы тратит на нас мама. (20)Вырастаем и, уехав из родного дома, забываем позвонить, написать пару строчек, подписать открытку к празднику. (21)А мама ждёт! (22)И находит любые оправдания нашей чёрствости, нашей занятости, нашему невниманию.

(23)К сожалению, многие слишком поздно понимают, что забыли сказать много хороших слов своим мамам. (24)Чтобы этого не произошло, нужно дарить тепло матерям каждый день и час, ведь благодарные дети – лучший подарок для них.

(25)Сколько бы мы ни говорили о маме, этого будет мало. (26)Каждая мама бескорыстно сделает всё для своего ребёнка. (27)Она будет переживать за твою судьбу независимо от того, сколько тебе лет. (28)Она отругает своего повзрослевшего ребёнка, а потом порадует за него и обязательно отметит все хорошие перемены, которые произошли с её всегда маленьким родным человечком. (29)Мама отдаст всё за то, чтобы ты стал настоящим человеком. (По И. Селивёрстовой)*

* *Селивёрстова Инна* – современная писательница и поэтесса.

Текст 8.6

(1)Городской человек не ведает, чем пахнет земля, как она дышит, как страдает от жажды, – земля скрыта от его глаз застывшей лавой асфальта.

(2)Меня мать приучала к земле, как птица приучает своего птенца к небу. (3)Но по настоящему земля открылась мне на войне. (4)Я узнал спасительное свойство земли: под сильным огнём прижимался к ней в надежде, что смерть минует меня. (5)Это была земля моей матери, родная земля, и она хранила меня с материнской верностью.

(6)Один, только один раз земля не уберегла меня...

(7)Я очнулся в телеге, на сене. (8)Я не почувствовал боли, меня мучила нечеловеческая жажда. (9)Пить хотели губы, голова, грудь. (10)Всё, что было во мне живого, хотело пить. (11)Это была жажда горящего дома. (12)Я сгорал от жажды.

(13)И вдруг я подумал, что единственный человек, который может меня спасти, – мама. (14)Во мне пробудилось забытое детское чувство: когда плохо, рядом должна быть мама. (15)Она утолит жажду, отведёт боль, успокоит, спасёт. (16)И я стал звать её.

(17)Телега грохотала, заглушая мой голос. (18)Жажда запечатала губы. (19)А я из последних сил шептал забываемое слово «мамочка». (20)Я звал её. (21)Я знал, что она откликнется и придёт. (22)И она появилась. (23)И сразу смолк грохот, и холодная животворная влага хлынула гасить пожар: текла по губам, по подбородку, за воротник. (24)Мама поддерживала мою голову осторожно, боясь причинить боль. (25)Она поила меня из холодного ковшика, отводила от меня смерть.

(26)Я почувствовал знакомое прикосновение руки, услышал родной голос:

– (27)Сынок, сынок, родненький...

(28)Я не мог даже приоткрыть глаза. (29)Но я видел мать. (30)Я узнавал её руку, её голос. (31)Я ожил от её милосердия. (32)Губы разжались, и я прошептал:

– (33)Мама, мамочка...

(34)Моя мать погибла в осаждённом Ленинграде. (35)В незнакомом селе у колодца я принял чужую мать за свою. (36)Видимо, у всех матерей есть великое сходство, и если одна мать не может прийти к раненому сыну, то у его изголовья становится другая.

(37)Мама. (38)Мамочка.

(39)Я много знаю о подвигах женщин, выносивших с поля боя раненых бойцов, работавших за мужчин, отдававших свою кровь детям, идущих по сибирским трактам за своими мужьями. (40)Я никогда не думал, что всё это, несомненно, имеет отношение к моей матери. (41)Теперь я оглядываюсь на её жизнь и вижу: она прошла через всё это. (42)Я вижу это с опозданием. (43)Но я вижу.

(44)На Пискаревском кладбище, заполненном народным горем, зеленеет трава. (45)Здесь похоронена моя мать, как и многие другие жертвы блокады. (46)Документов нет. (47)Очевидцев нет. (48)Ничего нет. (49)Но есть вечная сыновья любовь. (50)И я знаю, что сердце моей матери стало сердцем земли.

(По Ю.Я. Яковлеву)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 9.1

(1) Динка огляделась. (2) Уютно белеющая в зелени хата вблизи оказалась старой, вросшей в землю, облупленной дождями и ветрами. (3) Одной стороной хата стояла на краю обрыва, и кривая тропинка, сбегая вниз, приводила к заброшенному колодцу.

(4) Яков сидел у раскрытого окна на низенькой скамеечке перед изрезанным сапожным ножом столиком и, склонившись, тачал сапоги. (5) Иоська, размахивая руками, что-то весело рассказывал отцу, на щеке его вспрыгивала лукавая ямочка. (6) Отец и сын сидели в единственной, но очень просторной комнате с огромной русской печкой.

(7) Осторожно войдя в сени и заглянув в комнату, Динка остановилась от неожиданности. (8) Прямо перед ней, в простенке между двумя окнами, где стоял сапожный столик и было светлее, возвышался портрет молодой женщины со строгой улыбкой, в городском платье, с чёрным кружевным шарфом. (9) Она была изображена во весь рост и так, как будто торопилась куда-то, накинув свой лёгкий шарф.

(10) Но больше всего поразили Динку её глаза. (11) Огромные, полные какой-то внутренней тревоги, умоляющие и требовательные. (12) Остановившись на пороге, Динка не могла оторвать глаз от этого портрета. (13) Казалось, она где-то уже видела эти глаза, улыбку и ямочку на щеке.

(14) Забывшись, она молча переводила глаза с портрета матери на сына...

(15) Иоська смолк и насторожённо смотрел на непрошеную гостью. (16) Яков тоже поднял глаза, и на лице его появилось уже знакомое Динке выражение сосредоточенной строгости.

– (17) Здравствуйте, барышня! – сказал он, поднимаясь навстречу.

– (18) Здравствуйте, Яков Ильич! – низко кланяясь, прошептала оробевшая Динка.

(19) Портрет Катри, её живые, горящие глаза, притихший двойник портрета, Иоська, и сам несчастный, уединившийся здесь после смерти жены скрипач – всё это внушало ей ужас. (20) Ноги её, казалось, приросли к порогу, и, не зная, что ей делать, она жалостно попросила:

– (21) Сыграйте, Яков Ильич.

(22) Иоська с готовностью подал отцу скрипку. (23) Яков кивнул сыну и, повернувшись к портрету, поднял смычок, прикоснулся к струнам...

(24) Как только полились звуки скрипки, страх Динки прошёл. (25) Играя, Яков смотрел на портрет и, двигая в такт музыке бровями, улыбался. (26) И Катря отвечала ему нежной, строгой улыбкой. (27) А Иоська сидел на сапожной табуретке и, сложив на коленях ладошки, смотрел то на отца, то на мать.

(По В.А. Осеевой)*

* *Осеева-Хмельёва Валентина Александровна (1902–1969) – детская писательница. Самыми известными её произведениями стали повести «Динка», «Динка прощается с детством».*

Текст 9.2

(1)На рассвете мы с Лёнькой напились чаю и пошли на мшары искать глухарей. (2)Идти было скучно.

– (3)Ты бы, Лёня, рассказал чего-нибудь повеселей.

– (4)Чего рассказывать? – ответил Лёнька. – (5)Разве про старушек в нашей деревне. (6)Старушки эти – дочери знаменитейшего художника Пожалостина. (7)Академик он был, а вышел из наших пастушат, из сопливых. (8)Его гравюры висят в музеях в Париже, Лондоне и у нас в Рязани. (9)Небось, видели?

(10)Я вспомнил прекрасные, чуть пожелтевшие от времени гравюры на стенах своей комнаты в доме у двух хлопотливых старух. (11)Вспомнилось мне и первое, очень странное ощущение от гравюр. (12)То были портреты старомодных людей, и я никак не мог избавиться от их взглядов. (13)Толпа дам и мужчин в наглухо застёгнутых сюртуках, толпа семидесятых годов девятнадцатого столетия, смотрела на меня со стен с глубоким вниманием.

– (14)Приходит как-то в сельсовет кузнец Егор, – продолжил Лёня. – (15)Нечем, говорит, чинить то, что требуется, потому давайте колокола снимать.

(16)Встревает тут Федосья, баба из Пу́стыни: (17)«У Пожалостиных в доме старухи по медным доскам ходят. (18)Что-то на тех досках нацарапано – не пойму. (19)Эти доски и пригодятся».

(20)Я пришёл к Пожалостиным, сказал, в чём дело, и попросил эти доски показать. (21)Старушка выносит доски, завернутые в чистый рушник. (22)Я взглянул и замер. (23)Мать честная, до чего тонкая работа, до чего твёрдо вырезано! (24)Особенно портрет Пугачёва – глядеть долго нельзя: кажется, с ним самим разговариваешь. (25)«Давайте мне доски на хранение, иначе их на гвозди переплавят», – говорю ей.

(26)Заплакала она и говорит: (27)«Что вы! (28)Это народная ценность, я их ни за что не отдам».

(29)В общем, спасли мы эти доски – отправили в Рязань, в музей.

(30)Потом созвали собрание, чтобы меня судить за то, что доски спрятал. (31)Я вышел и говорю: (32)«Не вы, а ваши дети поймут ценность этих гравюр, а труд чужой почитать надо. (33)Человек вышел из пастухов, десятки лет учился на чёрном хлебе и воде, в каждую доску столько труда вложено, бессонных ночей, мучений человеческих, таланта...»

– (34)Таланта! – повторил Лёня громче. – (35)Это понимать надо! (36)Это беречь и ценить надо! (37)Ведь правда? (По К.Г. Паустовскому)*

* *Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – русский советский писатель и публицист, мастер лирико-романтической прозы, автор произведений о природе, исторических повестей, художественных мемуаров.*

Текст 9.3

(1)Для меня музыка – это всё. (2)Я люблю джаз, как дядя Женя. (3)Что дядя Женя творил на концерте в Доме культуры! (4)Он свистел, кричал, аплодировал! (5)А музыкант всё дул напропалую в свой саксофон!..

(6)Там всё про меня, в этой музыке. (7)То есть про меня и про мою собаку. (8)У меня такса, зовут Кит...

– (9)Представляешь? – рассказывал дядя Женя. – (10)Он эту музыку прямо на ходу сочиняет.

(11)Вот это по мне. (12)Самое интересное, когда играешь и не знаешь, что будет дальше. (13)Мы с Китом тоже: я бренчу на гитаре и пою, он лает и подвывает. (14)Конечно, без слов – зачем нам с Китом слова?

– (15)Андрюха, решено! – вскричал дядя Женя. – (16)Учись джазу! (17)Здесь, в Доме культуры, есть такая студия.

(18)Джаз, конечно, это здорово, но вот загвоздка: я не могу петь один. (19)Только с Китом. (20)Для Кита пение – всё, поэтому я взял его с собой на прослушивание.

(21)Кит, съев варёную колбасу из холодильника, шагал в чудесном настроении. (22)Сколько песен в нас с ним бушевало, сколько надежд!

(23)Но моя радость улетучилась, когда оказалось, что с собаками в Дом культуры нельзя.

(24)В комнату для прослушивания я вошёл без Кита, взял гитару, но не мог начать, хоть ты тресни!..

– (25)Ты не подходишь, – сказали мне. – (26)Слуха нет. (27)Кит чуть не умер от радости, когда я вышел.

(28)«Ну?!! (29)Джаз? (30)Да?!!» – всем своим видом говорил он, и хвост его отбивал ритм по тротуару. (31)Дома я позвонил дяде Жене.

– (32)У меня нет слуха, – говорю. – (33)Я не подхожу.

– (34)Слух – ничто, – сказал дядя Женя с презрением. – (35)Подумаешь, ты не можешь повторить чужую мелодию. (36)Ты поёшь, как никто никогда до тебя не пел. (37)Это и есть джаз! (38)Джаз не музыка; джаз – это состояние души.

(39)Положив трубку, я извлёк из гитары квакающий звук. (40)Взвыл Кит. (41)На этом фоне я изобразил тиканье часов и крики чаек, а Кит – гудок паровоза и гудок парохода. (42)Он знал, как поднять мой ослабевший дух. (43)А я вспомнил, до чего был жуткий мороз, когда мы с Китом выбрали друг друга на Птичьем рынке...

(44)И песня пошла...

(По М.Л. Москвиной)*

* *Москвина Марина Львовна* (род. в 1954 г.) – современная писательница, журналистка, радиоведущая. За книгу «Моя собака любит джаз» была награждена Международным дипломом Г.-Х. Андерсена.

Текст 9.4

(1)В детстве я очень, очень старалась полюбить театр, как мне велели: ведь это Большое Искусство, Храм. (2)И я, как положено, должна испытывать священный трепет, но помнить при этом, что в театре есть театральные условности. (3)Я помнила, но, когда пожилой дядька в камзоле с пышными рукавами, с большим бархатным животом, колыхавшимся над тоненькими ножками, грозно, как классный руководитель, спросил: «Скажи, Лаура, который год тебе?» – и грузная тётенька гавкнула в ответ: «Осьмнадцать лет!», – ужасное смятение и стыд смяли меня, и все мои старания полюбить театр были окончательно перечёркнуты.

(4)А между тем в театре было тепло, в зале приятно и сложно пахло, в фойе гуляли нарядные люди, окна были укутаны шторами из парашютного шёлка, будто кучевыми облаками. (5)Да, храм. (6)Наверное. (7)Но это не мой храм, и боги в нём не мои.

(8)А вот совсем другое дело – кинотеатр «Арс», плохонький сарайчик на площади. (9)Там неудобные деревянные сиденья, там сидят в пальто, там мусор лежит на полу. (10)Там не встретишь «завязтых театралов», принаряженных дам, заранее оскорблённых тем, что они, люди приличные, вынуждены три часа провести в обществе ничего не смыслящих профанов. (11)Там толпа вваливается и рассаживается, гремя сиденьями и распространяя кислый запах сырых пальто. (12)Сейчас начнут. (13)Это – счастье. (14)Это – кино.

(15)Медленно гасят свет. (16)Стрекотание проектора, удар луча – и всё, понеслось. (17)Перейдена черта, прошёл этот неуловимый миг, когда плоский и туповатый экран растворился, исчез, стал пространством, миром, полётом. (18)Сон, мираж, мечта. (19)Преображение.

(20)Да, я, безусловно, простой и примитивный кинозритель, как большинство людей. (21)От кино я именно и жду полного преобразования, окончательного обмана – «чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда». (22)Театр на это не способен, да и не претендует.

(23)Театр для тех, кто любит живых актёров и милостиво прощает им их несовершенства в обмен на искусство. (24)Кино для тех, кто любит сны и чудеса. (25)Театр не скрывает, что всё, что вы видите, – притворство. (26)Кино притворяется, что всё, что вы видите, – правда. (27)Театр – для взрослых; кино – для детей. (По Т. Толстой)*

* *Толстая Татьяна Никитична* (род. в 1951 г.) – современная писательница, телеведущая, филолог.

Текст 10.1

(1)Он растяпа, этот Вовка. (2)Олег же его предупреждал! (3)Деревенские ребята хорошие, но их надо авторитетом брать, после этого они станут друзьями – во!

(4)А с авторитетом вот что вышло.

(5)Олег-то в Ольшанке сто раз был. (6)Он только вылез из автобуса, и к нему сразу кинулись мальчишки: Минтин, Витёк и Егорка. (7)Расхватили вещи и понесли к дому его родни.

(8)А у самого дома на Вовку пошёл какой-то сивобородый козёл. (9)Чего козёл Сивка от Вовки хотел, неизвестно, и Вовка на всякий случай попятился, споткнулся и шлёпнулся прямо в грязь.

(10)Витёк и Минтин ка-ак захохочут, за ними – самый маленький – Егорка. (11)А Вовка от стыда готов был провалиться сквозь землю.

(12)После обеда Минтин с Витьком повели компанию в лес в свой «фирменный» малинник.

(13)Вскарабкавшись на обрыв по узенькой тропе, они очутились на заброшенной вырубке.

(14)Это и был малинник: запах малины, жара и шмелиное жужжание...

(15)Когда наелись малины, повернули назад и по дороге решили зайти в старый парк.

(16)Одна из аллей шла в самый глухой угол парка. (17)Там стояла бывшая барская контора, которая смотрела на прохожих пугающе чёрными пустыми окнами.

(18)Солнце уже клонилось к закату, и было совсем по-вечернему.

– (19)Здесь чёрт живёт, – неожиданно сказал Минтин, – это все наши старики знают.

– (20)Там, – указал пальцем в небо Олег, – космонавты круглосуточно вкалывают, а у вас – черти!

(21)Олег пихнул Вовку коленом и губами показал: «Авторитет!..» (22)А вслух сказал:

– (23)Вовка, сходи в разведку и выведи этого чёрта на чистую воду.

(24)Вовка поморщился... (25)А может, правда там кто-нибудь есть?

– (26)Я с тобой пойду! – закричал Егорка.

– (27)Вдвоём и дурак сходит, – отрезал Олег. – (28)Или ты один иди, или я один.

– (29)Ладно, пошёл я, – сказал Вовка.

(30)Он понимал: Олег точно уж пойдёт вместо него, но тогда – хоть в другую школу уходи.

(31)Вовка медленно зашагал к чёрному входу и замер. (32)Он зажмурил глаза, досчитал до пяти и вошёл. (33)Его охватила холодная, как вода, тьма. (34)Сердце стучало у самого горла...

(35)Но глаза понемногу привыкли, и тьма немного рассеялась. (36)Он глянул в самый тёмный угол – прямо на него смотрели жуткие золотые глаза. (37)Ох и взвизгнул он, а потом засмеялся мелким, как дрожь, смехом и пошёл на эти глаза, ведь он разглядел под ними знакомую сивую бороду.

– (38)Сивка, – с облегчением произнёс Вовка.

– (39)Молоток, старик! (40)Теперь ты легенда, Минтин по всей деревне разнесёт, – как-то даже с завистью сказал Олег.

– (41)А, пустяки, главное, мы Сивку домой привели, – ответил Вовка и немного, конечно, соврал.

(42)Но он рад был происшествию, потому что Витёк его зауважал и Сивка оказался Сивкой, а не чем-то вроде...
(По В.И. Одноралову)*

* Одноралов Владимир Иванович (род. в 1946 г.) – оренбургский поэт, прозаик, публицист и детский писатель.

Текст 10.2

(1)Как только у нас с Пашкой появлялся какой-нибудь замысел, неизменно оказывалось, что в прошлом кто-то уже опередил нас. (2)Нельзя же заново изобретать самолёт, если его давно изобрели, или открывать новые страны, если всё уже пройдено вдоль и поперёк! (3)Выходило, что мы родились слишком поздно и пути к славе для нас закрыты.

(4)Я высказался в этом смысле дома, но мать, удивлённо посмотрев на меня, сказала:

– (5)Экий ты, оказывается, ещё дурачок!.. (6)Иди вон на огороде славу зарабатывай...

(7)Пашка заметил:

– (8)Почему это матери, как правило, детей любят, а не понимают? (9)Вот раньше было:

(10)«Благословляю тебя, сын мой, на подвиг...» (11)А тут – на огород!..

(12)Пашка хочет быть как Циолковский и всегда что-нибудь изобретает. (13)Он построил машину, чтобы наливать воду в колоду для коровы. (14)Машина, правда, сама воду наливать не могла; зато если налить вёдрами, то потом достаточно нажать железный рычаг, чтобы бочонок опрокинулся и половина воды попала в колоду.

(15)Мать поругивала Пашку за то, что он нагородил у колодца всяких палок, однако всё обошлось. (16)Но однажды Пашкин отец в сумерки наступил на рычаг, и его окатило с головы до ног. (17)Он тут же изломал Пашкину «механику» и задал бы самому изобретателю, да тот убежал.

(18)У меня нет пристрастия к технике – мне больше нравится читать. (19)Но все книги, какие я мог достать, уже читаны-перечитаны, и я попробовал написать свою.

(20)Я выпросил у отца большую конторскую книгу, вывел на обложке: «(21)Летопись. (22)Древняя, средняя и новая история деревни Тыжи, сочинённая Н.И. Березиным».

(23)Вначале описание деревни шло гладко. (24)Но после слов: «Заложена деревня в...» – начались затруднения. (25)Основание деревни относилось, конечно, к древней истории, но никаких древностей мне обнаружить не удалось.

(26)Ничего, к сожалению, не вышло и со средней историей. (27)Дед Савва, к которому я пристал с расспросами, отмахнулся:

– (28)Какая, к лешему, у нашей деревни история! (29)Бедовали в этой чащобе – вот и вся история.

(30)История Тыжи осталась ненаписанной, но в деревне меня теперь зовут не иначе как Колька-летописец...

(31)Да, мы могли бы удивить мир, но пока не знали чем.

(По Н.И. Дубову)*

* *Дубов Николай Иванович (1910–1983) – русский советский писатель. Автор пьес «У порога», «Наступает утро», повестей «На краю земли», «Огни на реке», «Небо с овчинку» и др., романа «Горе одному». В основном его произведения освещают острые проблемы, переломные события в жизни молодого человека.*

Текст 10.3

(1)Венька пришёл домой из школы, немного посидел в кухне, выпил стакан сваренного бабушкой клюквенного морса, посмотрел, как смешно, вытянув прозрачные лапки, спит в аквариуме белая крыска Марфуша, и всё же пошёл звонить маме на работу. (2)Так уж у них повелось: сразу после школы Венька всегда звонил ей и докладывал о своих делах.

– (3)Мам, я опять подрался... – медленно произнёс он и виновато замолчал.

(4)Из трубки какое-то время не раздавалось ни звука. (5)Мама расстроилась.

– (6)Всё ясно. (7)Поговорим вечером.

(8)Венька повесил трубку и задумался. (9)Что же это маме ясно? (10)Иногда то, что ей кажется абсолютно ясным и правильным, к школьной Венькиной жизни абсолютно неприменимо. (11)Например, мама заставляет его ходить в школу в пиджаке. (12)В сентябре на общешкольном собрании директор предложила родителям приобрести сыновьям пиджаки. (13)Дескать, школьная форма сейчас необязательна, а пиджаки будут мальчиков дисциплинировать и настраивать на серьёзный лад. (14)Мама на следующий же день потащила Веньку в магазин, где они купили обалденный, как ему тогда в горячке показалось, бежевый пиджак, в котором бросалась в глаза тонкая коричневая клетка. (15)«Как денди лондонский...» – радостно приговаривала мама, оглядывая Веньку. (16)Он себе тоже очень нравился в пиджаке, но только до тех пор, пока не пришёл в школу. (17)В своём 7 «А» один лишь он таким образом вырядился.

(18)Сначала Венька не очень огорчился: не все же мамы такие расторопные, как его. (19)Но ни через неделю, ни через месяц никто из одноклассников в пиджак так и не переоделся. (20)Ребята по-прежнему ходили в джемперах, джинсовках, куртках от спортивных костюмов, а самые крутые – в толстовках. (21)Венька попытался как можно быстрее запачкать пиджак, благо он был светлый. (22)Он уже предвкушал, что дня через два наденет в школу свой старый тёмно-синий свитер крупной вязки, но мама притащила с работы ещё один пиджак.

– (23)Вот! (24)Примерь! – щебетала она над Венькой. – (25)Тётя Нина отдала. (26)Витальке стал маловат, а тебе будет в самый раз.

(27)Венька, стиснув зубы, влез в Виталькин пиджак. (28)Он тоже был ничего: стального цвета в чёрную крапинку. (29)Только не нужен был Веньке этот элегантный пиджак! (30)Никто из его одноклассников в пиджаках по школе не ходил. (31)Никто! (32)Лишь один он! (33)Он, правда, ни разу ни от кого не слышал обидных слов в адрес своей одежды, но всем своим существом чувствовал, что никак не вписывается в этих пиджаках в мужской коллектив класса. (34)Когда у него, у Веньки, будет собственный сын, он ни за что не станет покупать ему никаких пиджаков. (35)Он внимательно изучит, в чём будут ходить друзья сына, и купит ему точь-в-точь такую же чёрную джинсовку, как у Пети Комиссарова: скромную, с многочисленными удобными карманами на «молниях» и кнопках.

(По С.А. Лубенец)*

* *Лубенец Светлана Анатольевна* – современная детская писательница из Санкт-Петербурга, пишет книги о подростках, взаимоотношениях между ними, самых обыкновенных и не совсем обычных ребятах.

Текст 10.4

(1)Нина уже давно существует в состоянии непреходящего душевного напряжения. (2)Сегодня девчонки в школе опять хвастались своими парнями. (3)Прямо чуть ли не у каждой есть друг. (4)А у неё нет.

(5)Раньше она жила себе и жила, её вполне удовлетворял молодёжный сериал «Школьники» и девчачьи глянцевого журналы, из которых можно было вырезать картонных кукол и одевать в платья для принцесс. (6)Но пришёл день, и Нина выгребла из всех ящичков картонных кукол, заколочки в виде бабочек и сердечек, фенечки, подвески из стекляшек, пластиковые серьги и отправила это богатство в мусоропровод. (7)Она действовала решительно и методично, будто готовилась к какой-то новой жизни, освобождая свою комнату от дешёвого хлама, игрушек и глупых журналов. (8)А через какое-то время она вдруг поняла, что все изменения, по большому счёту, были только внешними: её жизнь по-прежнему пуста, скучна и очень однообразна: школа, дом, книги, Интернет...

(9)Нина как-то ещё мирилась с такой скудной жизнью, пока её лучшая подруга Иришка вдруг в одночасье не влюбилась в Валерку Селиванова, и теперь влюблённые всюду ходили вместе, трогательно взявшись за ручки.

(10)Если бы она могла противопоставить Иришкиному Валере своего друга... (11)Но друга нет...

(12)А раз нет, может быть, стоит его придумать? (13)А что! (14)Имя она уже для него нашла – Дмитрий. (15)Как он может выглядеть? (16)Пусть он будет высоким, стройным, широкоплечим, как положено настоящим мужчинам, даже и юным... (17)И обязательно брюнетом! (18)Его глаза пусть будут серыми, чтобы контрастировали с волосами. (19)Это так красиво, когда из-под тёмной чёлки смотрят чистые светлые глаза! (20)Темноволосые люди, конечно, чаще всего кареглазые, но Митя же не настоящий. (21)Он, так сказать, виртуальный герой! (22)Виртуальный... (23)Виртуальный?! (24)Точно! (25)Идея!

(26)Нина сбегала в ближайший салон сотовой связи, купила там новую сим-карту. (27)Дома она её активировала, а потом включила компьютер. (28)Вот она, сеть «Все к нам!»... (29)Регистрация... (30)Имя, фамилия, номер мобильного, пароль... (31)Какой бы придумать пароль? (32)А вот какой... (33)Набираем латиницей «моя мечта»... (34)Предлагаете добавить какую-нибудь цифирь? (35)Пожалуйста... (36)Получилось «моя мечта в 15 лет»... (37)Ага, пропустили! (38)Отлично! (39)Биографию виртуальному Мите она придумала без труда, а фотографию взяла из маминого альбома: молодой человек сидит верхом на какой-то ограде и красиво улыбается. (40)Глаза у него светлые, а волосы тёмные, как по заказу...

(41)Сделав всё, что нужно, для заполнения Митиной страницы, Нина удовлетворённо выдохнула и откинулась на спинку компьютерного кресла, чтобы полюбоваться делом рук своих. (42)В сети «Все к нам!» появился новый пользователь Дмитрий Алексеев, который будет так красиво ухаживать за Ниной Кирьяновой, что от зависти перекосит не только Динку Свисяеву с её Славиком, но и всех остальных одноклассниц!

(По С.А. Лубенец)*

* *Лубенец Светлана Анатольевна* – современная детская писательница из Петербурга, пишет книги о подростках, взаимоотношениях между ними, самых обыкновенных и не совсем обычных ребятах. Её серии «Только для девчонок», «Только для мальчишек», «Чёрный котёнок» пользуются большим спросом у читателей.

Текст 11.1

(1)Есть люди, которые болезненно переживают чужие успехи. (2)Таким был Сеня Голубкин. (3)Ему всюду чудились выгоды и привилегии, которыми обладают другие. (4)Если кто-то заболел, Сенька говорил: (5)«Ясно... (6)Решил отдохнуть!» (7)Если кто-то получал пятёрку за домашнее сочинение, он спрашивал: (8)«Что, мамочка с папочкой потрудились?»

(9)Ему казалось, что любые удачи приходят к людям как бы за его счёт. (10)Зависть, в которой кроется исток многих человеческих слабостей и пороков, не оставляла Сеньку в покое...

(11)Трудно было отыскать людей, более не похожих друг на друга, чем Ваня и Сенька. (12)В ту пору Ваня ещё очень ему сочувствовал. (13)Когда Сеня, путаясь и напрягаясь, блуждал по лабиринтам знаменитых четверостиший, Ваня страдал. (14)А после урока, на котором Голубкин получал очередную двойку, этот верзил теснил невысокого Ваню: тот, оказывается, подсказывал недостаточно чётко и ясно.

(15)Однажды был назначен «районный» диктант, и Сеня Голубкин был в панике: двойка за тот диктант грозила ему второгодничеством.

(16)После диктанта Сенька бегал по коридору и выспрашивал у своих одноклассников:

– (17)Как пишется «в течение»?

(18)Ему отвечали.

– (19)Одна ошибочка есть! – говорил он и загибал палец. – (20)А ты сам-то как написал?

(21)Правильно?

(22)Если оказывалось, что правильно, Сенька скулил:

– (23)Ну, коне-е-чно, сам написа-ал!

(24)После «районного» диктанта у Сеньки не хватило пальцев на обеих руках: он насчитал двенадцать ошибок. (25)Кроме запятых и тире...

(26)На перемене ко мне подошёл Ваня Белов и спросил:

– (27)Что ж, Вера Матвеевна, Голубкину теперь на второй год оставаться?

– (28)Не знаю. (29)Ещё не проверила.

(30)Когда я уселась в учительской за тетради, оказалось, что шесть работ из пачки исчезли.

(31)Среди них были диктанты Сени Голубкина и Вани.

(32)На большой перемене мы с директором в опустевшем классе стали пробиваться к голубкинской совести. (33)Именно тогда, в разгар нашей беседы, появился Ваня Белов и сказал:

– (34)Я пришёл, чтобы отдать себя в руки правосудия!

(35)Я не верила, что диктанты вытащил он, но директор согласился с версией Вани. (36)После уроков шестеро учеников, работы которых исчезли, переписали диктант. (37)Сеня Голубкин получил тройку, поскольку уже успел обнаружить на перемене свои ошибки, и перешёл в седьмой класс.

(38)Он не проникся благодарностью к Ване Белову, напротив, именно с тех пор и невлюбил его. (39)Голубкин не простил благородства, как не прощал он грамотности тем, кто ему же помогал находить ошибки. (40)Ваня Белов это понял. (41)После того как Сенька очередной раз насолил в чём-то своему спасителю, я как бы мимоходом сказала Ване:

– (42)Ну что... ни одно доброе дело не остается безнаказанным?

– (43)Мало ли что бывает! – ответил он. – (44)Из-за этого всем не верить?

(По А. Алексину)*

* *Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют о мире юности.*

Текст 11.2

(1)Ребята ушли со двора, собирают походное снаряжение. (2)Остался один Гоша. (3)Дежурит у подъезда и ждёт кого-то...

(4)Вот наконец она появилась. (5)Загадочное существо тринадцати лет, невероятная красавица с улыбкою до ушей, с золотыми глазами, с тонюсенькой талией. (6)Верочка.

– (7)Привет, – говорит Верочка и поёживается. – (8)Холодно ещё... (9)Дай куртку.

(10)Гоша накидывает ей на плечи курточку, остаётся в одной майке, и кожа на его руках покрывается пупырышками.

– (11)Тебе отец из Англии чего-нибудь привёз?

– (12)Ага. (13)Вот, смотри, транзистор.

– (14)А матери привёз чего-нибудь? (15)Духи, например? (16)Принеси посмотреть.

– (17)Но как же я... (18)Вера, мне же... (19)Ну, неудобно...

– (20)Тогда становись на голову. (21)Ну?!

– (22)Брось, Верк... (23)Не надо...

– (24)Сейчас же встань на голову!

– (25)Ну, пожалуйста...

(26)Гоша подходит к стене, опускается на четвереньки и после нескольких неудачных попыток делает стойку. (27)Верочка наблюдает за ним сурово, как тренер.

– (28)Кто главный? – спрашивает она.

– (29)Ну, ты...

– (30)Перевернись. (31)И тащи духи. (32)А то заставлю стоять на голове целый день!

(33)Вытирая ладони о свою майку, Гоша топчется беспомощно, моргает, но Верочка неумолима. (34)И тогда, отдав ей транзистор, Гоша плетётся к себе в квартиру.

(35)Горопливые шаги на лестнице, голоса: выбегают на двор Серёжка и Павлик, одноклассники Гоши, с удочками и с какой-то картонной, но грозного вида трубой.

– (36)Это ракета, – сообщает Серёжка внушительно. – (37)В лесу запустим.

(38)Верочка снисходительно наблюдает, как мальчишки возятся с ракетой, как бережно кладут её на ступеньки подъезда, а сами отправляются за рюкзаками.

(39)Дождавшись, когда мальчишки скрылись на лестнице, выходит на двор Гоша. (40)Оглядывается, протягивает Верочке голубой блестящий флакон.

(41)Гоша немного сердит: он не хотел брать этот флакон, выносить его потихоньку, но Верочка заставила. (42)Ей, видите ли, своя прихоть дороже. (43)И Гоша теперь сердит и почти свысока разговаривает с Верочкой: (44)«На, смотри, если хочется...»

(45)Верочка понимает его состояние. (46)И ей не нравится, что Гоша разговаривает свысока. (47)Лицо у Верочки становится задумчивое. (48)Она склоняет голову набок, прищуривается. (49)Прежде, года три назад, с таким выражением Верочка кидалась драться (и дралась почище мальчишек). (50)Теперь она не дерётся. (51)Есть другие способы.

(52)Она нехотя берёт голубой флакон.

– (53)Так, понятно... (54)А спички у тебя есть?

– (55)Спички?.. (56)Ну, в куртке... посмотри в кармане.

– (57)Ага. (58)Теперь поджигай этот хвост! – (59)Верочка показывает на оставленную мальчишками ракету.

– (60)Зачем?.. – ничего не соображая, бормочет Гоша. – (61)Что это?

– (62)Бомба. (63)Пусть бабахнет.

– (64)Ну!.. – растерянно бормочет Гоша. – (65)Это...

– (66)Кто главный?

– (67)Верка, перестань!

– (68)Ах так? – (69)Вера чиркает спичкой и подносит огонёк к ракетному хвосту. (70)Наконец что-то зашипело, заскворчало, как масло на сковородке...

– (71)Верка! (72)Отойди!..

(73)Верочка демонстративно стоит над чадающей картонной трубой. (74)И тут я вижу начало подвига, его свершение и конец. (75)Гоша, оцепеневший от ужаса Гоша, прижавшийся к стене с перекошенным лицом, тихий, застенчивый и боязливый Гоша вдруг отталкивает Верочку и – плашмя, животом – падает на ракету. (По Э. Шиму)*

Текст 11.3

(1) Утром в хрустальной вазе на столе Витя увидел огромный букет мимозы. (2) Цветы были такие жёлтые и свежие, как первый тёплый день!

– (3) Это мне папа подарил, – сказала мама. – (4) Ведь сегодня Восьмое марта.

(5) Действительно, сегодня Восьмое марта, а он совсем забыл об этом. (6) Он немедленно побежал к себе в комнату, схватил портфель, вытащил открытку, в которой было написано: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с Восьмым марта и обещаю всегда тебя слушаться», и торжественно вручил её маме.

(7) А когда он уже уходил в школу, мама вдруг предложила:

– (8) Возьми несколько веточек мимозы и подари Лене Поповой.

(9) Лена Попова была его соседкой по парте.

– (10) Зачем? – хмуро спросил он.

– (11) А затем, что сегодня Восьмое марта, и я уверена, что все ваши мальчишки что-нибудь подарят девочкам.

(12) Он взял три веточки мимозы и пошёл в школу.

(13) По дороге ему казалось, что все на него оглядываются. (14) Но у самой школы ему повезло: он встретил Лену Попову. (15) Подбежав к ней, протянул мимозу.

– (16) Это тебе.

– (17) Мне? (18) Ой, как красиво! (19) Большое спасибо, Витя!

(20) Она, казалось, готова была благодарить его ещё час, но он повернулся и убежал.

(21) И на первой перемене оказалось, что никто из мальчиков в их классе ничего не подарил девочкам. (22) Ни один. (23) Только перед Леной Поповой лежали нежные веточки мимозы.

– (24) Откуда у тебя цветы? – спросила учительница.

– (25) Это мне Витя подарил, – спокойно сказала Лена. (26) Все сразу зашушукались, посмотрев на Витю, а Витя низко опустил голову.

(27) А на перемене, когда Витя как ни в чём не бывало подошёл к ребятам, хотя уже чувствовал недоброе, Валерка стал кривляться, глядя на него.

– (28) А вот и жених пришёл! (29) Здорó во, юный жених!

(30) Ребята засмеялись. (31) А тут проходили мимо старшекласники, и все на него смотрели и спрашивали, чей он жених.

(32) Еле досидев до конца уроков, он, как только прозвенел звонок, со всех ног бросился домой, чтобы там, дома, сорвать свою досаду и обиду.

(33) Когда мама открыла ему дверь, он закричал:

– (34) Это ты, это ты виновата, это всё из-за тебя!

(35) Витя вбежал в комнату, схватил веточки мимозы и бросил их на пол.

– (36) Ненавижу эти цветы, ненавижу!

(37) Он стал топтать ветки мимозы ногами, и жёлтые нежные цветочки лопались и умирали под грубой подметкой его ботинок.

(38) А Лена Попова несла домой три нежные веточки мимозы в мокрой тряпочке, чтобы они не завяли. (39) Она несла их впереди себя, и ей казалось, что в них отражается солнце, что они такие красивые, такие особенные...
(По В. Железникову)*

* **Железников Владимир Карпович** (род. в 1925 г.) – современный российский детский писатель, кинодраматург. Его произведения, посвящённые проблемам взросления, стали классикой отечественной детской литературы и переведены на многие языки мира.

Текст 11.4

(1)Я даже не помню, как называлась та книга. (2)Помню только, что на коричневой обложке длинным зигзагом алел выпел какого-то парусника. (3)Я не особенно любил читать, но с удовольствием давал книги из нашей домашней библиотеки своим одноклассникам. (4)Петька Солодков вытащил её из портфеля и положил на стол. (5)Мы стояли у окна и смотрели на хмурое октябрьское небо, с которого, словно пух, падал редкий снег.

– (6)Санёк, спасибо за книгу! (7)Я всю ночь сегодня читал: не мог оторваться! – восхищённо улыбаясь, произнёс Петька и пожал мне руку.

(8)В это время в класс вошёл Колька Бабушкин – мой сосед по парте. (9)Носатый, долговязый, нескладный... (10)У него не было отца. (11)Его и маленькую сестрёнку воспитывала мать, истеричная, крикливая женщина, которая то и дело приходила в школу, чтобы разобраться с обидчиками её детей. (12)Но такое заступничество, конечно, только усиливало наше презрительно-высокомерное отношение к её жалкому отпрыску.

(13)Увидев Бабушкина, все сурово умолкли, и, когда он кивком головы, улыбаясь, поздоровался с нами, никто даже не взглянул на него. (14)Он поставил изжёванный дерматиновый портфель на стол и вдруг увидел книгу. (15)Она лежала на его половине парты. (16)Бабушкин замер и благоговейно, словно святыню, взял её в руки, пролистал страницы, и странная восторженная улыбка появилась на его лице. (17)Он посмотрел на нас и вдруг сказал:

– (18)Спасибо за подарок!

– (19)Положи книгу на место и не трогай чужого! – выйдя из оцепенения, прорычал я.

(20)Колька испуганно вздрогнул и выронил книгу. (21)Все засмеялись. (22)А он, готовый от стыда провалиться сквозь землю, густо покраснел, торопливо поднял её и, погладив обложку, отодвинул от себя, словно извиняясь за то, что посмел к ней прикоснуться.

– (23)Просто у меня сегодня день рождения, и я подумал, что...

(24)Тридцать лет прошло с тех пор, но я до сих пор помню тот случай с книгой, когда я нечаянно разрушил огромный дом человеческой веры, когда я сделал больно другому и не нашёл в себе мужества исправить ошибку. (25)И наша жизнь пошла по другой дороге, где всем больно и одиноко, где нет тех, кто может поднять упавших.

(26)А эта книга... (27)Колька, да я отдал бы тебе всю библиотеку! (28)Да мы бы всё тебе отдали... (29)Но только ты сгорел в танке под Кандагаром, когда я учился на втором курсе университета. (30)Боль стала моей неразлучной спутницей, она смотрит на меня глазами долговязого восьмиклассника и терпеливо напоминает: человеческая жизнь коротка, поэтому никогда не жалея того, что можешь дать, никогда не отнимай того, что у тебя просят.

(По В. Дроганову)*

* *В. Дроганов* – современный российский писатель.

Текст 11.5

(1)В тот день на берегу моря Зыбин всё-таки достал краба. (2)Краб был страшно большой и плоский, и, присмотревшись, на нём можно было разглядеть бугры и колючки, какие-то швы, зубчатые гребешки. (3)Если его засушить, получится, наверное, прекрасный сувенир!

(4)Краб неделю просидел под кроватью. (5)Он сидел всё в одном и том же месте, около ножки кровати, и, когда кто-нибудь наклонялся над ним, он с грозным бессилием выставлял вперёд зазубренную клешню. (6)На третий день около усов показалась пена, но, когда Зыбин к нему притронулся, краб преболно, до крови, заклешил ему палец. (7)Тогда Зыбин ногой задвинул краба к самой стене – вот он там и сидел сначала, а потом лежал. (8)На пятый день его глаза подёрнулись белой плёнкой, но только Зыбин притронулся к нему, как он выбросил вперёд всё ту же страшную и беспомощную клешню.

(9)На панцире тоже появилось что-то вроде плесени.

(10)На седьмой день Зыбин утром сказал Лине:

– (11)Всё, больше я не могу – вечером я его выпущу.

(12)Она ответила:

– (13)И я пойду с вами.

(14)Они договорились встретиться на набережной.

(15)Когда стемнело и она подошла к морю, он уже сидел и ждал её. (16)Краб был в его шляпе. (17)Зыбин сказал:

– (18)Вот уж не думал никогда, что во мне сидит такой скот! (19)Обречь кого-то на медленное и мучительное умирание! (20)Никогда бы не поверил, что способен на такое! (21)Я думал: посидит, заснёт, как рыба. (22)А боль я должен был понимать... (23)Этим нельзя пренебрегать...

– (24)Слушай, – прервала его Лина, наклоняясь над шляпой. – (25)Ещё бы день, и он был бы готов.

(26)Он закатал до колен брюки и вошёл в воду.

– (27)Да, – сказал он. – (28)Конечно! (29)Но больше я уже не могу.

(30)У каждого скотства есть какой-то естественный предел. (31)А я перешёл его.

(32)Он наклонился над водой и опрокинул шляпу. (33)Под светом фонарика по белому подводному песочку бегали светлые извилистые тени волн. (34)Краб упал на спину да так и остался.

– (35)Мёртв, – сказала Лина, подняв на Зыбина обескураженный взгляд.

– (36)Да, – тяжело согласился он. – (37)Поздно. (38)Ещё вчера... (39)Смотри, смотри!

(40)Сперва заработали ноги. (41)Краб перевернулся, медленно, с трудом поднялся. (42)Встал, отдыхая и отходя. (43)Он стоял, большой, корявый, стоял и набирался сил. (44)И как-то сразу же пропали все белые пятна.

– (45)Будет жить, – сказал Зыбин твёрдо.

(46)Какая-то мелкая рыбёшка приплыла, сверкнула голубой искрой и сгорела в луче фонаря, исчезла.

(47)Тогда краб двинулся. (48)Он пошёл неуклюже, кряжисто, как танк. (49)Шёл и слегка шатался. (50)Прошёл немного и остановился.

– (51)Будет жить, – повторил Зыбин. – (52)Будет жить! (По Ю. Домбровскому)*

* *Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – русский советский прозаик, поэт, литературный критик.*

Текст 11.6

(1) Девочку звали Алиса. (2) Ей было шесть лет, у неё был друг – театральный художник. (3) Алиса могла свободно войти в театральный двор, который охранял строгий сторож, а другие дети не могли попасть в этот интересный мир. (4) Но она была не просто девочка, она помощник художника.

(5) Однажды в театральном дворе Алиса увидела парня и сразу поняла, что он не артист.

– (6) Ты кто? – спросила она парня.

– (7) Шофёр, – ответил парень.

– (8) А что ты здесь делаешь?

– (9) Жду.

– (10) Кого?

– (11) Викторину Сергееву.

(12) Сергеева – артистка театра, молодая и красивая женщина. (13) И Алиса задала парню «взрослый» вопрос:

– (14) Ты её любишь?

– (15) Нет, – улыбнулся парень. – (16) Я однажды спас её. (17) В нашем городе, театр был тогда у нас на гастролях. (18) Это было весной, в конце марта. (19) Ребята катались на санках у реки. (20) Сергеева тоже захотела покататься. (21) Ребята дали ей санки. (22) Она села и поехала, сани случайно выехали на лёд, который был тонким и хрупким, и через минуту Сергеева оказалась в ледяной воде. (23) Ребята закричали, а я был недалеко и услышал.

– (24) И ты прыгнул в ледяную воду?

– (25) Прыгнул, – подтвердил парень.

– (26) Не испугался?

– (27) Не успел испугаться.

– (28) И не заболел?

– (29) Заболел немножко.

(30) Алиса и незнакомый парень разговаривали и не заметили, как во двор вошли Сергеева и знакомый художник. (31) Парень первым увидел её и сказал:

– (32) Здравствуйте, Виктория! (33) Вы, наверное, не помните меня? (34) Я Назаров.

(35) Сергеева внимательно посмотрела на парня: она не могла вспомнить его.

– (36) Ну помните, как Вы катались на санках, а я... (37) Вы ещё пригласили меня в Москву.

– (38) Ах, да, – вспомнила Сергеева. – (39) Сейчас я организую Вам билеты.

– (40) Спасибо, – сказал Назаров, – но я не за этим приехал. (41) У меня болен отец. (42) Мы приехали в Москву, но в Москве я знаю только Вас, и я хотел спросить, можем ли мы остановиться у Вас на неделю?

– (43) Нет, нет, – поспешно сказала Сергеева. – (44) Это неудобно, потому что у меня совсем маленькая квартира.

– (45) Что же делать? – спросил парень.

– (46) Не знаю.

(47) И тут Алиса взяла парня за руку. (48) «Пойдём», – сказала она. – (49) «Куда?» – удивился парень. – (50) «К нам», – сказала Алиса.

(51) Она не думала, что скажут дома. (52) Она спасала парня, спасала его от позора и неблагодарности. (53) А когда спасают, то долго не думают, а раз – и в холодную воду!

– (54) Нехорошо как, – сказал художник, когда Алиса и шофёр вышли вместе со двора. – (55) Ведь он вам жизнь спас.

– (56) Что же, я теперь памятник ему должна поставить? – ответила Сергеева.

(57) И тут старый сторож вдруг закричал: (58) «Вон! (59) Вон отсюда!» (60) Он делал вид, что кричит на мальчишек, которые тихонько пробрались в театральный двор. (61) Но кричал-то он на Сергееву.

(По Ю.Я. Яковлеву)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 12.1

(1)На хуторе сон и тишина. (2)Мы идём вдоль низкого, белого под луной заборика, по-ожному сложенного из плоского дикого камня. (3)Такое чувство, словно и родился я здесь, и прожил здесь жизнь, и теперь возвращаюсь домой.

(4)Громко стучу в раму окна. (5)Нечего спать, раз мы вернулись. (6)И сейчас же распаивается дощатая дверь. (7)Панченко, ординарец мой, сонный, зевающий, босиком стоит на пороге.

– (8)Заходите, товарищ лейтенант.

(9)Хорошо вот так ночью вернуться с плацдарма домой. (10)Об этом не думаешь там. (11)Это здесь со всей силой чувствуешь. (12)Мне никогда до войны не приходилось возвращаться домой после долгой разлуки. (13)И уезжать надолго не приходилось. (14)Первый раз я уезжал из дома в пионерский лагерь, второй раз я уезжал уже на фронт. (15)Но и тот, кто до войны возвращался домой после долгой разлуки, не испытывал тогда того, что испытываем мы сейчас. (16)Они возвращались соскучившиеся – мы возвращаемся живые...

(17)Сидя на подоконниках, разведчики смотрят, как мы двое едим, и глаза у них добрые. (18)А в углу стоит широкая деревенская кровать. (19)Белая наволочка, набитая сеном, белая простыня. (20)Многого не понимали и не ценили до войны люди. (21)Разве в мирное время понимает человек, что такое чистые простыни? (22)За всю войну только в госпитале я спал на простынях, но тогда они не радовали.

(23)Я ложусь на свою царскую кровать, пахнущую сеном и свежим бельём, и проваливаюсь, как в пух. (24)Глаза слипаются, но едва задрёмаю, как, вздрогнув, просыпаюсь опять. (25)Я просыпаюсь от тишины. (26)Даже во сне я привык прислушиваться к разрыву снарядов.

(27)И лезут в голову мысли о ребятах, оставшихся на плацдарме. (28)Зажмурюсь – и опять всё это перед глазами: землянка связистов, в которую попала бомба, дорога в лесу и чёрные высоты, занятые немцами...

(29)Нет, я, кажется, не усну. (30)Осторожно, чтоб не разбудить ребят, выхожу во двор, аккуратно притворив дверь. (31)Как тихо! (32)Словно и нет войны на земле. (33)Впереди луна садится за глиняную трубу, только краешек её светится над крышей. (34)И что-то такое древнее, бесконечное в этом, которое было до нас и после нас будет.

(35)Я сижу на камне и вспоминаю, как в школе сорок пять минут урока были длиннее двух веков. (36)Государства возникали и рушились, и нам казалось, что время до нас бежало с удивительной быстротой и теперь только пошло своим нормальным ходом. (37)Впереди у каждого из нас была целая человеческая жизнь, из которой мы прожили по четырнадцать, пятнадцать лет.

(38)Я воюю уже третий год. (39)Неужто и прежде годы были такие длинные?.. (40)Возвращаюсь в дом, укрываюсь с головой и, подрожав под шинелью, засыпаю.

(По Г.Я. Бакланову)*

* **Бакланов Григорий Яковлевич** (1923–2009) – писатель-фронтовик. Среди самых известных произведений автора – повесть «Навеки – девятнадцатилетние», посвящённая судьбам молодых парней – вчерашних школьников, попавших на фронт.

Текст 12.2

(1)Весной 1942 года по ленинградским улицам медленно шли две девочки – Нюра и Рая Ивановы. (2)Впервые после долгой блокадной зимы они отправились пешком с Петроградской стороны на Невский проспект, ко Дворцу пионеров. (3)Они обходили перевернутые трамваи, прятались от взрывов в подворотнях, пробирались по грудам развалин на тротуарах. (4)Зимой девочки похоронили мать, умершую от голода, и остались одни в закопчённой квартире с обледеневшими стенами. (5)Чтобы согреться, сжигали мебель, одежду, книги. (6)Ослабевшую Нюру, до войны солистку знаменитого ансамбля, которым руководил Исаак Осипович Дунаевский, на санках отвезли в детский дом девушки – бойцы отряда противовоздушной обороны. (7)Рая Иванова поступила в ремесленное училище. (8)На исходе первой блокадной зимы их разыскала руководитель студии Р.А. Варшавская. (9)Как и другие работники Дворца пионеров, она, только недавно выписанная из госпиталя, шла по сохранившимся адресам, чтобы найти своих питомцев. (10)До войны Аничков дворец был сказочным детским царством, и вот теперь он снова готовился встречать детей.

(11)Из уст в уста передавалась казавшаяся невероятной весть: «Дворец пионеров ждёт нас!» (12)Об этой новости нельзя было узнать ни из газет, ни из сообщений по радио. (13)Дворец пионеров был помечен на гитлеровских картах как военный объект. (14)Как были помечены и Эрмитаж, и Русский музей.

(15)Из района в район, из дома в дом передавали как пароль: «Собраться в назначенный час...», и по улицам осаждённого города двигались дети – так начался подвиг педагогов и воспитанников ленинградского Дворца пионеров.

(16)Дети, конечно, были глубоко потрясены войной. (17)Они видели, как рушатся дома от взрывов, как падают в голодном беспомоществе люди. (18)Вера Бородулина потеряла отца, Витя Панфилов пережил смерть семерых родных... (19)В каждом доме было горе. (20)Впереди было ещё почти два года блокады...

(21)А в мае 1942 года во Дворце пионеров работали многочисленные кружки: танцевальные, вокальные, фортепьянные, рукоделия, рисования, художественного слова. (22)Искусство помогало детям выжить, но они ещё не знали о его подлинной силе.

(23)Летом 1942 года ребят впервые пригласили на военный крейсер. (24)Они поехали на грузовой машине, захватив музыкальные инструменты и танцевальные костюмы. (25)На палубе корабля играл мелодии Чайковского Витя Панфилов, танцевала Рая Иванова, читала стихи Вера Бородулина. (26)По щекам моряков, не раз смотревших смерти в лицо, текли слёзы. (27)Знавшие цену мужеству, моряки видели силу духа ленинградских школьников. (28)Крейсер готовился идти в бой, из которого вернуться не все, и в этих ребятах была сама одухотворённая надежда. (29)Прощаясь с детьми, команда построилась. (30)Ребята стали вручать подарки, которые привезли с собой. (31)Взяв матерчатый кисет из рук девочки, старшина, на груди которого было два боевых ордена, сказал: «Принимаю третью награду Родины». (32)Моряки знали цену мужеству.
(По Л. Овчинниковой)*

* Л. Овчинникова – современная российская писательница.

Текст 12.3

- (1) Ученикам о войне он рассказывал скупом.
- (2) А где вас ранило? – спрашивали ребята.
- (3) В Польше, уже в наступлении. (4) Вот, руку отняли.
- (5) Что было потом, не рассказывал: не хотел вспоминать, как учился писать левой – почерком, не лишённым элегантности, как приспособился ловко надевать рюкзак одной рукой.
- (6) После госпиталя приехал в Москву и вернулся в университет, в котором учился до войны.
- (7) Какое это было счастье – полных три года он восстанавливал себя сам: чистил кровь Пушкиным, Толстым, Герценом...
- (8) Потом отправили по распределению в среднюю школу посёлка Калиново Вологодской области преподавать русский язык и литературу.
- (9) Жильё выделили при школе. (10) Комната и прихожая, откуда топила печь. (11) Дровами обеспечивали. (12) Кроме литературы, ещё приходилось учить географии и истории.
- (13) Всё в Калинове было бедным, разрушенным, в изобилии только нетронутая робкая природа. (14) И люди были, пожалуй, получше городских, тоже почти не тронутые городским душевным развратом.
- (15) Общение с деревенскими ребятами развеяло его студенческие иллюзии: доброе и вечное, конечно, не отменялось, но повседневная жизнь была слишком груба. (16) Всё время мучительно думал: нужны ли все эти культурные ценности девочкам, укутанным в чиненные платки, успевшим до зари прибрать скотину и малых братьев-сестёр, и мальчикам, выполнявшим всю мужскую тяжёлую работу? (17) Учёба на голодный желудок и потеря времени на знания, которые никогда и ни при каких условиях им не понадобятся?
- (18) Детство у них давно закончилось, они все сплошь были недоросшие мужики и бабы, и даже те немногие, кого матери отпускали в школу, как будто испытывали неловкость, что занимаются глупостями вместо настоящей серьёзной работы. (19) Из-за этого некоторую неуверенность испытывал и молодой учитель – и впрямь, не отвлекает ли он их от насущного дела жизни ради излишней роскоши. (20) Какой Радищев? (21) Какой Гоголь? (22) Какой Пушкин, в конце концов? (23) Обучить грамоте и поскорее отпустить домой – работать. (24) Да и сами они только этого и желали.
- (25) Тогда он впервые задумался о феномене детства. (26) Когда оно начинается, вопросов не вызывало, но когда оно заканчивается и где тот рубеж, начиная с которого человек становится взрослым? (27) Очевидно, что у деревенских ребятшек детство заканчивалось раньше, чем у городских.
- (28) Северная деревня всегда жила впроголодь, а после войны все обнищали вконец, работали бабы и ребята. (29) Из тридцати ушедших на фронт местных мужиков вернулись с войны двое. (30) Дети, маленькие мужики-школьники, рано начинали трудовую жизнь, и детство у них было украдено. (31) Впрочем, что тут считать: у одних было украдено детство, у других – юность, у третьих – жизнь.

(По Л.Е. Улицкой)*

* Улицкая Людмила Евгеньевна (род. в 1943 г.) – современная российская писательница, произведения которой переведены на 25 языков.

Текст 12.4

(1)Отца своего, который погиб на фронте, Авалбёк не помнил. (2)Первый раз он увидел его в кино, когда мальчику было лет пять.

(3)Фильм был про войну, Авалбёк сидел с матерью и чувствовал, как она вздрагивала, когда на экране стреляли. (4)Ему было не очень страшно, а иногда даже, наоборот, весело, когда падали фашисты. (5)А когда падали наши, ему казалось, что они потом встанут.

(6)Вот на экране появились артиллеристы. (7)Их было семь человек. (8)Один из них был смуглым, черноволосым, небольшого роста.

(9)И вдруг мать тихо сказала:

– Смотри, это твой отец...

(10)Почему она так сказала? (11)Зачем? (12)Может быть, случайно или потому, что вспомнила мужа. (13)И действительно, солдат на экране был очень похож на отца на той старой военной фотографии, которая висела у них дома.

(14)И мальчик поверил. (15)Он уже думал о солдате как о своём отце, и в его детской душе родилось новое для него чувство сыновней любви и нежности. (16)Как он гордился своим отцом! (17)И война с этой минуты уже не казалась мальчику забавной, ничего весёлого не было в том, как падали люди. (18)Война стала серьёзной и страшной, и он впервые испытал чувство страха за близкого человека, за того человека, которого ему всегда не хватало.

(19)А на экране шла война. (20)Появились немецкие танки. (21)Мальчик испугался. (22)«Папа, танки идут, танки!» – кричал он отцу. (23)Танков было много, они двигались вперёд и стреляли из пушек. (24)Вот упал один артиллерист, потом другой, третий... (25)И вот остался только отец, он медленно шёл навстречу танку с гранатой в руках.

– (26)Стой, не пройдёшь! – крикнул отец и бросил гранату. (27)В этот момент в него начали стрелять, и отец упал.

– (28)Это мой отец! (29)Вы видели? (30)Это моего отца убили... – закричал Авалбёк, желая, чтобы люди гордились его отцом так же, как он.

(31)И тогда соседский мальчишка, школьник, первым решил сказать ему правду.

– (32)Да это не твой отец. (33)Что ты голосишь? (34)Это артист. (35)Не веришь – спроси у киномеханика.

(36)Но киномеханик молчал: взрослые не хотели лишать мальчика его горькой и прекрасной иллюзии.

(37)Мать наклонилась к сыну, скорбная и строгая, в глазах её стояли слёзы.

– (38)Пойдём, сынок, пойдём. (39)Это был твой отец, – тихо сказала она и повела его из зала.

(40)Сердце мальчика было наполнено горем. (41)Только сейчас он понял, что значит – потерять отца. (42)Ему хотелось плакать. (43)Он посмотрел на мать, но она молчала. (44)Молчал и он. (45)Он был рад, что мать не видит его слёз.

(46)Он не знал, что с этого часа в нём начал жить отец, который давно погиб на войне.

(По Ч.Т. Айтматову)*

* *Айтматов Чингиз Торекүлович (1928–2008) – киргизский писатель.*

Текст 13.1

(1) Началась эта мука в далёкие годы, в классе пятом или шестом.

(2) Глебов жил в своём двухэтажном подворье рядом с серым, громадным, наподобие целого города или даже целой страны, домом в тысячу окон. (3) Серая громада висла над переулочком, по утрам застила солнце, а вечерами сверху летели звуки музыки. (4) Там, в поднебесных этажах, шла, казалось, совсем иная жизнь, чем внизу. (5) И у Глебова с малолетства появилось жженье в душе: то ли зависть, то ли ещё что.

(6) Мать Глебова работала билетёршей в кинотеатре. (7) И вот служба её в кинотеатре – захудаленьком, в одном из замоскворецких переулков – составляла предмет немалой гордости Глебова и отличала его величайшей льготой: на любой фильм мог пройти без билета. (8) А иногда в дневные часы, когда мало зрителей, мог даже товарища провести, а то и двух.

(9) Эта привилегия была основой могущества Глебова в классе. (10) Он пользовался ею расчётливо и умно: приглашал мальчиков, в дружбе которых был заинтересован, от которых чего-либо ждал взамен, иных долго кормил обещаниями, прежде чем оказывал благодеяние, а некоторых мерзавцев навсегда лишал своей милости. (11) Продолжалась глебовская власть – ну не власть, а, скажем, авторитет – и оставалась непоколебленной, пока не возник Лёвка Шулепа. (12) Первые дни он держался надменно, поглядывал своими голубенькими глазами на всех сонно и презрительно, ни с кем не заводил разговор и сел за одну парту с девчонкой. (13) Его решили проучить, вернее, унижить. (14) А ещё точнее – опозорить. (15) Глебов горячо подговаривал расправиться с Шулепой, который ему не нравился, но в последний миг решил не участвовать в расправе.

(16) Мальчишки – их было человек пять – зазвали Лёвку после уроков на задний двор, окружили, о чём-то заспорили, и вдруг Медведь, главный силач класса, охватил Лёвку за шею, опрокинул его рывком навзничь, остальные с криками «ого-го!» набросились, Лёвка сопротивлялся, бил ногами, но его, конечно, смяли, скрутили, кто-то сел ему на грудь. (17) И вдруг раздался громкий треск, будто взорвалась хлопушка или лопнула автомобильная шина. (18) Тут все пятеро кинулись в стороны, Лёвка поднялся на ноги, а в руке он держал пугач, который стрелял особыми пистонами. (19) Шулепа вышел из этой истории победителем, а нападавшие были посрамлены и впоследствии всячески старались помириться и подружиться с ним.

(20) Так Лёвка из человека, которого собирались на весь свет опозорить, превратился в героя. (21) И с этого, наверное, времени зародилась у Глебова та тяжесть на дне души... (22) И нет несчастнее людей, поражённых завистью. (23) И не было сокрушительней несчастья, чем то, что случилось с Глебовым в миг его, казалось бы, высшего торжества. (По Ю. Трифонову)*

* *Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981) – русский советский писатель, мастер «городской» прозы.*